ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СЕЛЬСКАГО ДѢЯТЕЛЯ.

(Посвящается Ѳедору Ѳедоровичу Славинскому).

ТЕЦЪ мой, Никифоръ Савлукъ, происходилъ изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ Волынской губерніи и прослужилъ непрерывно 40 лѣтъ—съ 1858 по 1898 г.—въ общественныхъ сельскихъ должностяхъ. До 1867 года онъ состоялъ въ нѣсколькихъ волостяхъ Ковельскаго уѣзда Волынской губерніи въ должностяхъ сельскаго, а затѣмъ волостного писаря, а въ 1867 г. перешелъ въ Привислинскій край, въ сосѣдній Холмскій уѣздъ Люблинской губерніи, въ которомъ и прослужилъ вплоть до 1898 г. въ нѣсколькихъ гминахъ гминнымъ писаремъ, а потомъ войтомъ [1]). Столь продолжительная и непрерывная служба въ подобнаго рода должностяхъ представляетъ явленіе рѣдкое, даже, можно сказать, исключительное, такъ какъ лица, занимающія такія должности, по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, часто не соотвѣтствуютъ своему назначенію и потому постоянно смѣняются другими, обыкновенно оказывающимися тоже не лучше своихъ предшественниковъ. Тѣ же изъ нихъ, которые по своему уму, характеру и развитію стоятъ выше другихъ, стараются выйти изъ своей среды, попасть въ чиновники и вообще найти для себя болѣе широкое и почетное поле дѣятельности. Отецъ мой не раздѣлялъ этого стремленія.

[1]) Въ Привислинскомъ краѣ «гмина» то же, что въ Россіи волость. «Гминный войтъ» соотвѣтствуетъ волостному старшинѣ.

Самъ родившись въ крайне бѣдной крестьянской семьѣ и получивъ, благодаря обстоятельствамъ, нѣкоторое образованіе, онъ считалъ себя нравственно обязаннымъ посвятить всю жизнь свою крестьянской общественной службѣ, дабы приносить посильную пользу своимъ собратьямъ. Что служба его была добросовѣстна, можно заключить уже потому, что на ней онъ не нажилъ состоянія [1]), и что за весь долголѣтній періодъ его дѣятельности противъ него не возникало даже подозрѣнія въ какихъ либо неблаговидныхъ дѣйствіяхъ. Впрочемъ о положительныхъ результатахъ его дѣятельности я не считаю себя въ правѣ распространяться, такъ какъ могу быть заподозрѣнъ въ пристрастіи, да это и не составляетъ задачи моего настоящаго труда.

За все долгое время своей службы отецъ мой много пережилъ и переиспыталъ; видѣлъ и хорошіе дни, но еще болѣе перенесъ невзгодъ; встрѣчался съ начальниками и другими людьми всевозможныхъ характеровъ и направленій; видѣлъ и на себѣ испыталъ порядки, предшествовавшіе эпохѣ эмансипаціи и въ то время отживавшіе свой вѣкъ. Обо всемъ этомъ, а также о своемъ дѣтствѣ и воспитаніи, онъ разсказывалъ мнѣ немало интереснаго. Воспитаніе онъ получилъ въ николаевское время въ писарской школѣ, устроенной, повидимому, по образцу военно-кантонистскихъ школъ. Службу свою онъ началъ уже въ царствованіе императора Александра II, но еще въ дореформенную эпоху, сохранившую характеръ предыдущаго царствованія. Естественно, что разсказы его о своемъ дѣтствѣ, воспитаніи и службѣ своей крестьянскому обществу въ ту эпоху и въ началѣ слѣдующей не лишены историческаго интереса. При томъ же о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ, объ ихъ бытѣ и системѣ управленія, какъ кажется, въ нашей и исторической, и беллетристической литературѣ писалось очень мало. Поэтому я и полагаю, что воспоминанія моего отца, переданныя мною ниже съ его словъ, представляютъ извѣстный интересъ для характеристики данной среды въ данное время. Я буду говорить въ первомъ лицѣ отъ его имени, не мудрствуя лукаво и придерживаясь его безыскусственнаго разсказа.

Левъ С—къ.

---

[1]) Ему удалось только пріобрѣсти отъ казны почти безъ денегъ, на крайне льготныхъ условіяхъ, небольшой участокъ земли, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

I.

Мое дѣтство и жизнь въ родной семьѣ.—Смерть матери.—Мое обученіе грамотѣ у священника и въ приходскихъ училищахъ.

Родился я въ 1836 году въ селѣ Велимче Ковельскаго уѣзда, Волынской губерніи. Село это расположено на берегу рѣки Турія и имѣетъ церковь и приходское училище, открытое въ 1865 г. Родился я въ бѣдной семьѣ,—земля была плохая, черезполосная, хозяйство вообще незавидное. Весной, по причинѣ недорода, приходилось часто голодать и ѣсть вареную лебеду безъ хлѣба, соли и крупъ. Хлѣбъ всегда пекли съ одною четвертою частью мякины гречневой, ржаной и даже овсяной. Жили мы, т.-е. дѣдушка съ бабушкой, отецъ съ матерью и я съ двумя братьями, въ домѣ дѣдушки, который любилъ и баловалъ меня. У него была также пасѣка, и онъ нерѣдко потчевалъ меня мёдомъ потихоньку, чтобы не возбуждать зависти братьевъ. Бабушка тоже любила меня и часто, сидя у печки, разсказывала мнѣ сказки. Пасѣка дѣдушки находилась верстахъ въ двухъ отъ села, и тамъ я съ дѣдушкой проводилъ почти каждое лѣто, ѣлъ свѣжій мёдъ въ сотахъ, ловилъ рыбу, варилъ «кулишъ», уху, кашу и т. п., спалъ тамъ же на сѣновалѣ. Всѣ ульи съ пчелами поставлены были высоко на дубахъ для предохраненія ихъ отъ лакомства медвѣдей, водившихся въ сосѣднихъ лѣсахъ. Лѣтъ въ пять меня заставили пасти овецъ, а потомъ скотъ. Тутъ пошла жизнь тяжелая. Каждое утро нужно было вставать до восхода солнца и гнать скотъ «на пашу», а къ обѣду пригонять обратно, послѣ же обѣда снова гнать на пастбище до вечера. Страшно уставши за весь день отъ бѣготни, очень трудно было съ зарей снова подыматься отъ сна. Мать, очень меня любившая, скрѣпя сердце, будила меня, приговаривая: «встань, встань, сынку, гони скотъ на пашу, я тебѣ за то дамъ на великдень (т.-е. на пасху) тонку льняну сорочку, сдѣлаю червоный (красный) поясъ, червону застяжку». Услышавъ такія заманчивыя обѣщанія, я, хотя и неохотно, поднимался и принимался за свой обычный трудъ.

На пастбищѣ обыкновенно нѣсколько пастуховъ соединялись и пасли скотъ вмѣстѣ. Когда бывало пригрѣетъ утреннее солнышко, то невыспавшихся пастуховъ страшно клонитъ ко сну. Иной и засыпалъ, а въ это время скотъ травилъ посѣвы. Если хозяинъ замѣчалъ это, то оплошавшему сильно доставалось. Поэтому пастухи изъ болѣе зажиточныхъ семей обыкновенно уговаривали бѣднѣйшихъ отгонять ихъ скотъ отъ посѣвовъ, давая имъ за это кусочекъ хлѣба.

Каждый праздникъ я охотно ходилъ въ церковь. Недалеко отъ церкви стояла корчма, гдѣ по праздникамъ послѣ обѣда молодые парни съ дѣвками устраивали музыку и танцы. Впрочемъ пьянства и соблазнительнаго поведенія не замѣчалось; послѣднее особенно строго преслѣдовалось. Впослѣдствіи я слыхалъ отъ старожиловъ, какъ преданіе, что когда-то одна дѣвушка была соблазнена солдатомъ какой-то военной части, останавливавшейся въ селѣ. За это крестьяне били ее публично веревками отъ церковныхъ колоколовъ, водили по селу и въ каждой улицѣ сѣкли. Корчму посѣщали только взрослые мужчины, женщины же и дѣти туда не допускались. Отецъ мой тоже иногда посѣщалъ корчму и хотя вообще не пилъ сильно, но иногда выпивалъ и не въ мѣру. Одинъ такой случай я никогда не забуду. Пришелъ онъ съ какой-то свадьбы пьяный и сталъ,—не знаю, за что,—бить мою мать. Она спряталась подъ лавку и плакала, а отецъ ругался и толкалъ ее ногами. Я горько плакалъ, кричалъ и просилъ его не бить маму. Тогда онъ оставилъ мать и хотѣлъ приняться за меня, но я убѣжалъ. За мною бѣжалъ отъ отца мой двоюродный братъ. Въ сѣняхъ я, отворяя дверь, рванулъ ее, она сорвалась съ петель и упала брату на грудь. Онъ долго послѣ этого страдалъ грудью. Этотъ случай страшно поразилъ меня. Съ того времени я охладѣлъ къ отцу и почувствовалъ глубокое отвращеніе къ пьянству и пьянымъ людямъ. И во всю свою жизнь я не пробовалъ водки.

Теперь разскажу, какъ я захотѣлъ быть грамотнымъ и какъ выучился грамотѣ. Недалеко отъ нашего дома находился домъ сельскаго управленія. Какъ-то разъ я случайно туда попалъ съ матерью и увидѣлъ тамъ писаря, писавшаго гусинымъ перомъ. Я крайне заинтересовался, какимъ это образомъ онъ выводитъ на бумагѣ черныя линіи, и захотѣлъ сильно самъ добиться этого. Я нашелъ гусиное перо, омочилъ его въ деготь и старался писать имъ по березовой корѣ, но, конечно, ничего не выходило. Случайно нашелъ я кусокъ бумажки, но и на ней ничего не могъ вывести. Одинъ разъ я увидѣлъ, какъ проѣзжій еврей писалъ что-то въ своей книжкѣ какой-то палочкой. Мнѣ сказали, что эта палочка называется «олувокъ» (по-малорусски такъ называется карандашъ), но что писать имъ могутъ только грамотные. Съ тѣхъ поръ мысль выучиться грамотѣ не покидала меня. Между тѣмъ семью нашу постигло горе. Въ 1845 г. умерла моя бабушка, а въ слѣдующемъ году мать, которую я особенно горячо любилъ. На кладбищѣ, когда ее хоронили, мною овладѣло такое горе и отчаяніе, что я бросился за нею въ яму и упалъ на гробъ, не позволяя засыпать его землею. Священникъ о. Василій Михалевичъ схватилъ меня за руку, вытащилъ изъ ямы и сталъ утѣшать. Съ тѣхъ поръ онъ принялъ во мнѣ участіе, чему содѣйствовалъ мой дѣдушка. Послѣдній видѣлъ, что положеніе всей семьи послѣ смерти обѣихъ

женщинъ было бѣдственное. Въ домѣ безъ нихъ начались безпорядки, голодъ и холодъ, я же, по своему малолѣтству и слабосилію, не могъ быть помощникомъ въ хозяйствѣ. Дѣдушка былъ церковнымъ «братчикомъ», прислуживалъ священнику при богослуженіи, ставилъ свѣчи передъ иконами, жертвовалъ въ церковь воскъ изъ своей пасѣки. Это сближало его со священникомъ, съ которымъ онъ бесѣдовалъ запросто. Зная это, я убѣдилъ дѣдушку попросить священника выучить меня грамотѣ. Священникъ согласился, и вотъ однажды дѣдушка нарядилъ меня въ поношенный «сукманъ» и старые сапоги моего старшаго брата и привелъ въ домъ къ священнику. Священникъ поговорилъ со мной и, убѣдившись въ моемъ желаніи учиться, посадилъ меня за славянскій букварь съ красными заглавными буквами, которыя особенно меня восхищали. Буквы онъ называлъ по тогдашней методѣ: азъ, буки, вѣди и т. д. Заучивъ нѣсколько первыхъ буквъ, я съ удивленіемъ разсматривалъ чистую горницу священника и ея убранство. Послѣ нашей курной хаты я находилъ эту обстановку необыкновенною. Спустя немного, священникъ спросилъ заданныя буквы по порядку и въ разбивку, убѣдился, что я затвердилъ ихъ, и похвалилъ меня. Это привело меня въ восторгъ. На слѣдующій урокъ онъ показалъ мнѣ нѣсколько слѣдующихъ буквъ, и я опять выучилъ ихъ, какъ слѣдуетъ. Черезъ двѣ недѣли я уже читалъ по складамъ, а на слѣдующій годъ въ Свѣтлый праздникъ читалъ въ церкви апостола. Односельчане удивлялись, а всѣ родные радовались и гордились мною.

Такой успѣхъ подалъ священнику мысль устроить училище для обученія дѣтей. Онъ предложилъ крестьянамъ назначить для обученія еще нѣсколько мальчиковъ и нанять домъ для училища. Его послушали, помѣщеніе было нанято, и дьячекъ изъ крестьянъ сталъ обучать насъ. Обучалъ онъ недурно и успѣшно примѣнялъ такой пріемъ. Выучившихъ въ классѣ заданный урокъ онъ немедленно отпускалъ домой, и потому каждый старался одолѣть свой урокъ поскорѣе. Но вскорѣ почему-то былъ назначенъ другой дьячекъ изъ духовнаго званія, по фамиліи Мусіевичъ. Въ первый разъ я встрѣтилъ этого дьячка идущимъ по тропинкѣ въ огородъ и такъ былъ испуганъ его страшнымъ видомъ, что заболѣлъ горячкою. И дѣйствительно онъ болѣе походилъ на огородное пугало, чѣмъ на человѣка. Онъ былъ въ длинномъ сѣромъ плащѣ съ пелериной изъ грубаго крестьянскаго сукна и въ мѣховой шапкѣ; глаза огромные, бѣлесоватые, на выкатѣ; носъ толстый, широкій и тупой, подъ носомъ какая-то желтизна, вѣроятно, отъ табаку; на подбородкѣ—нѣсколько растрепанныхъ волосковъ; брюки на выпускъ изъ такого же сукна, какъ и плащъ; одна нога въ въ грязномъ сапогѣ, другая въ лаптѣ; пальцы на рукахъ безъ ногтей, какъ будто съ отрѣзанными первыми суставами. Я такъ

испугался, что цѣлый мѣсяцъ пролежалъ въ горячкѣ. Интересно, какъ меня лѣчили. Отецъ мой пошелъ къ тому же напугавшему меня дьячку, остригъ у него нѣсколько волосъ съ головы и бороды и, зажегши ихъ, окуривалъ меня. Кромѣ того, на грудь мнѣ ставили чашку съ холодной водой, въ которую вливали растопленный воскъ, а потомъ увѣряли, что изъ воска образовалось изображеніе того же дьячка. Выздоровѣвъ, я продолжалъ свое ученіе у этого дьячка, которой при ближайшемъ знакомствѣ оказался далеко не такимъ страшнымъ.

Вскорѣ мнѣ пришлось перейти въ другое училище, уже официально учрежденное въ мѣстечкѣ Ратнѣ для распространенія грамотности и для подготовки способнѣйшихъ мальчиковъ въ сельскіе писаря. Въ это училище изъ сосѣднихъ деревень выслано было 15 учениковъ, которые и содержались на общественный счетъ въ особомъ помѣщеніи. Тутъ я пробылъ три года (съ 1849 по 1852 г.). Училищемъ завѣдывалъ сначала мѣстный священникъ и благочинный, отецъ Левъ Страшневичъ, а съ 1851 года, когда отецъ Левъ перешелъ на службу въ царство Польское,—священникъ отецъ Виталій Львовичъ. Учителемъ былъ все время мѣщанинъ м. Ратна, Кириллъ Чилькевичъ, который часто за неуспѣшность сѣкъ учениковъ розгами. Отца Льва я очень любилъ, и онъ, повидимому, отличалъ меня, замѣтивъ мою склонность и способности къ церковному пѣнію. Идя мимо училища въ церковь, онъ бралъ меня съ собой въ качествѣ пѣвчаго. На лѣтнее время насъ распускали, и я уѣзжалъ къ роднымъ. Тогда я старался, какъ могъ, помогать имъ въ хозяйственныхъ работахъ, а иногда занимался въ мѣстномъ сельскомъ управленіи, гдѣ меня за это кормили. Дома же готовить пищу было некому, и ѣли что попало, иногда и совсѣмъ голодали.

II.

Поступленіе въ Межиричскую писарскую школу. — Возникновеніе этой школы, ея учебный персоналъ, внутренніе порядки и учебные предметы. — Инспекторъ Афендикъ и его вліяніе на учениковъ. — Окончаніе мною школы и полученіе аттестата.

Въ 1852 года, по повелѣнію императора Николая I, для улучшенія быта государственныхъ крестьянъ и ихъ ближайшаго управленія были открыты на счетъ казны писарскія школы съ цѣлью подготовки въ нихъ ближайшихъ и дѣятельнѣйшихъ органовъ крестьянскаго управленія—сельскихъ писарей. Въ Волынской губерніи такая школа была учреждена въ мѣстечкѣ Межирічи Ровенскаго уѣзда, въ имѣніи помѣщика Стецкаго, конфискованномъ правительствомъ за участіе его въ возстаніи 1830 года. Подъ училище былъ отведенъ трехъэтажный каменный замокъ съ флиге-

лями. Курсъ въ школѣ установленъ былъ трехгодичный, и соотвѣтственно этому въ школѣ было три класса. Приказано было набрать туда учениковъ, окончившихъ приходскія училища, преимущественно изъ сиротъ. Я тогда только что окончилъ Ратненское приходское училище и потому попалъ въ число учениковъ новой школы. Всѣхъ воспитанниковъ набрано было 75 изъ уроженцевъ губерній: Волынской, Кіевской, Каменецъ-Подольской и Могилевской, а также изъ Императорскаго Московскаго воспитательнаго дома. Я съ нѣкоторыми другими воспитанниками прибылъ въ школу въ октябрѣ 1852 года, но въ это время помѣщеніе для школы еще не было приготовлено, и потому прибывшихъ учениковъ размѣстили по квартирамъ мѣстныхъ мѣщанъ, которымъ уплачивалось за каждаго ученика по $7^1/_2$ коп. въ сутки за квартиру и продовольствіе. Такое квартированіе продлилось нѣсколько мѣсяцевъ. За это время болѣе взрослые воспитанники сильно распустились и оказывали дурное вліяніе и на другихъ своихъ товарищей. Къ 1853 году училище было готово, и тогда же прибылъ и весь штатъ училищнаго начальства и учителей. Штатъ этотъ составляли слѣдующія лица: начальникъ школы, военный полковникъ Вейтбрехтъ, инспекторъ К. И. Афендикъ; преподаватели: русскаго языка И. И. Рышковскій (изъ бывшаго Кременецкаго лицея), ариѳметики—Нагловскій; чистописанія, черченія и практической съемки—З. А. Даненковичъ (изъ Харьковскаго университета), законоучитель, священникъ мѣстнаго прихода, отецъ Іаковъ Радновскій; комиссаръ—экономъ Яновскій и два надзирателя: коллежскій регистраторъ Ильяшевичъ и кандидатъ на классную военную должность Власюкъ. Замокъ, отведенный и приспособленный для училища, находился въ верстѣ отъ мѣстечка Межиричи. Училище было совершенно закрытымъ заведеніемъ и поставлено вообще на военную ногу. Воспитанники размѣщались въ дортуарахъ, гдѣ у каждаго была желѣзная кровать съ прикрѣпленною въ изголовьѣ зеленою палкой, на которой вверху была прибита выпуклая жестянка съ обозначеніемъ № ученика по списку, имени и фамиліи его, а также губерніи, которой онъ былъ уроженцемъ. На кровати находилась постель, состоявшая изъ шерстянаго тюфяка, простыни, одѣяла и подушки, туго набитой простой соломой. Возлѣ кровати стоялъ табуретъ, на которомъ ночью должно было лежать платье воспитанника въ строго опредѣленномъ порядкѣ. Часы вставанія отъ сна, молитвы, завтрака, обѣда, ужина и отхода ко сну были строго разъ навсегда установлены. Въ видахъ поощренія одинъ изъ старшихъ и лучшихъ воспитанниковъ назначался старшимъ по школѣ, а другой — его помощникомъ. Старшему воспитаннику и его помощнику была присвоена особая форма съ галунами. Старшій носилъ галуны на воротникѣ мундира въ два ряда и по борту до конца полы въ одинъ рядъ, помощнику его полагались галуны

только на воротникѣ и въ одинъ рядъ. Старшій воспитанникъ и его помощникъ являлись какъ бы помощниками надзирателей по наблюденію за порядкомъ въ классахъ и помѣщеніяхъ. Каждое утро дежурный надзиратель или старшій по школѣ воспитанникъ лично докладывалъ инспектору о состояніи училища и подавалъ ему особый рапортъ, въ коемъ обозначалось число всѣхъ учениковъ, число больныхъ и замѣченные безпорядки, въ особенности замѣченные наканунѣ при ночномъ обходѣ. Въ 8 ч. утра производилась повѣрка, а затѣмъ, стоя на колѣняхъ предъ иконою, очередной воспитанникъ громко читалъ утреннія молитвы, послѣ которыхъ расходились. По данному звонку всѣ собирались въ одну залу, строились въ два ряда, и дежурный надзиратель велъ всѣхъ въ столовую на завтракъ. Въ столовой пѣли молитву и садились за столъ противъ блюдъ, которыхъ было по одному на каждыхъ четыре человѣка. При столѣ не допускалось никакого разговора, и соблюдалась полнѣйшая тишина. Если нужно было добавить какого нибудь блюда, хлѣба или квасу, то давался знакъ служителю, и онъ безмолвно приносилъ требуемое. Послѣ принятія пищи — снова молитва, а затѣмъ выходили изъ столовой съ соблюденіемъ такого же порядка. То же соблюдалось при обѣдѣ и ужинѣ. Изъ столовой расходились по помѣщеніямъ, оттуда по звонку собирались въ классы, а послѣ ужина — въ дортуары. На ночь всѣ двери запирались на ключъ. Во всѣхъ комнатахъ передъ иконами теплились неугасаемыя лампадки, а въ каждой спальной комнатѣ сверхъ того горѣли ночники, а въ коридорахъ — фонари. Каждую ночь всѣ спальни долженъ былъ обойти дежурный надзиратель и старшій воспитанникъ, а иногда обходилъ и инспекторъ. При обходахъ строго наблюдалось, чтобы каждый лежалъ на своей кровати и притомъ въ одномъ положеніи: на правомъ боку, правая ладонь подъ головою, а лѣвая на лѣвомъ бедрѣ. Поднимались отъ сна въ 7 час. утра, вставали, умывались и одѣвались, послѣ чего надзиратель осматривалъ исправность и чистоту одежды и обуви.

Въ воскресные и праздничные дни шли въ церковь попарно въ ногу при дежурномъ надзирателѣ или инспекторѣ, меньшіе ростомъ впереди. Пѣвчіе становились впереди всѣхъ. Хоръ пѣвчихъ состоялъ изъ 24 человѣкъ, управлялъ имъ одинъ изъ учителей и управлялъ прекрасно. Любители пѣнія изъ окрестностей нерѣдко нарочно пріѣзжали послушать стройное пѣніе воспитанниковъ. За порядкомъ въ церкви слѣдили строго. Всѣ воспитанники должны были внимательно слушать богослуженіе, креститься и становиться на колѣни всѣ разомъ въ одно и то же время. Съ зѣвакъ строго взыскивалось за невниманіе.

Суббота была страшнымъ днемъ для воспитанниковъ — днемъ покаянія и наказанія за грѣхи, содѣянные въ теченіе недѣли. Къ 12 час. дня въ особой залѣ четыре служителя приготовляли ска-

мейки и розги для сѣченія провинившихся. Экзекуція производилась передъ обѣдомъ послѣ того, какъ воспитанники были построены къ обѣду и сосчитаны надзирателемъ. Инспекторъ вызывалъ назначенныхъ къ наказанію и отправлялъ ихъ въ извѣстную имъ залу для экзекуціи. При послѣдней присутствовалъ онъ самъ, а также и тѣ воспитанники, особо имъ вызванные, которые провинились меньше. Послѣдніе находились тутъ для назиданія и устрашенія ихъ видомъ наказанія, чинившагося надъ ихъ сильно провинившимися товарищами. По окончаніи экзекуціи, инспекторъ предупреждалъ присутствовавшихъ при ней воспитанниковъ, что и ихъ постигнетъ въ слѣдующій разъ такое же наказаніе, если они не исправятся. Послѣ того и наказанные, и предупрежденные становились въ общій строй, и всѣ шли къ обѣду.

Воспитанниковъ обучали и военному строю: маршировкѣ, оборотамъ и полуоборотамъ. Маршировка была трехъ родовъ: въ три пріема (учебный шагъ), тихимъ шагомъ и скорымъ шагомъ. Въ видѣ поощренія часто слышалось начальническое: «хорошо, ребята», на что мы дружно отвѣчали, маршируя: «рады стараться, ваше высокоблагородіе».

Учебныхъ книгъ въ школѣ было мало, почему воспитанники списывали съ нихъ въ тетради и учились по послѣднимъ. Каждому воспитаннику выдавалось для тетради четыре листа, которые онъ долженъ былъ заполнить списаннымъ изъ книги. Когда тетрадь заполнялась, инспекторъ просматривалъ ее, и если находилъ ее записанною чисто и безъ ошибокъ, то хвалилъ ученика, дѣлалъ соотвѣтственную отмѣтку и снова давалъ четыре листа для дальнѣйшей переписки; въ противномъ случаѣ подвергалъ ученика наказанію.

На лѣтнее каникулярное время и на праздники учениковъ къ роднымъ не отпускали. Послѣдніе могли видѣться съ воспитанниками только въ школѣ въ опредѣленные часы и подъ наблюденіемъ инспектора. Письма, получаемыя воспитанниками и отправляемыя ими, тоже должны были проходить черезъ строгую цензуру инспектора. Зато, если инспекторъ замѣчалъ, что воспитанникъ рѣдко пишетъ родителямъ и роднымъ, то всегда освѣдомлялся у него о причинѣ этого, и если оказывалось, что у воспитанника нѣтъ денегъ, то онъ отправлялъ его письма на свой счетъ.

Вообще нашъ инспекторъ, Корнилій Ивановичъ Афендикъ, несмотря на видимую строгость, отличался добротой и справедливостью. Онъ очень заботился о всѣхъ нуждахъ воспитанниковъ и былъ для нихъ отцомъ въ полномъ смыслѣ слова. Лжецовъ, ябедниковъ и клеветниковъ онъ ненавидѣлъ и преслѣдовалъ и всегда убѣждалъ насъ быть честными и правдивыми. Какъ онъ умѣлъ преслѣдовать доносчиковъ, показываетъ слѣдующій фактъ. Одинъ ученикъ, К—чъ, лучшій по успѣхамъ въ классѣ, нарисовалъ до-

вольно удачную карикатуру на учителя русскаго языка, и когда тотъ, ходя по классу, оборачивался къ классу спиной, показывалъ ее ученикамъ, чѣмъ, конечно, вызывалъ ихъ смѣхъ. Другой ученикъ, К—къ, желая отличиться и самому стать первымъ, донесъ объ этомъ инспектору. Послѣдній нашелъ этотъ рисунокъ въ скамейкѣ у К—ча и сдѣлалъ ему должное внушеніе, а К—ка за доносъ наказалъ такъ. Онъ повѣсилъ ему на грудь деревянную доску съ надписью на ней большими буквами: «ябедникъ». Доску эту К—къ долженъ былъ носить на себѣ, нигдѣ не снимая, цѣлый мѣсяцъ, въ церкви же на богослуженіи онъ долженъ былъ съ этою доскою стоять на колѣняхъ передъ иконостасомъ. Онъ едва могъ выдержать этотъ позоръ. Въ общей залѣ инспекторъ повѣсилъ на видномъ мѣстѣ двѣ доски—красную и черную. На первой записывались имъ самые лучшіе воспитанники по нравственнымъ качествамъ и успѣхамъ, на второй—самые худшіе. Этимъ онъ возбуждалъ между воспитанниками не зависть, а соревнованіе, и каждый изо всѣхъ силъ старался попасть на красную доску, черной же боялся, какъ огня. Я навсегда сохранилъ о К. И. Афендикѣ самое лучшее воспоминаніе, и мнѣ кажется даже, что за всю свою долгую жизнь я не встрѣчалъ болѣе свѣтлой личности [1]).

Въ школѣ я пробылъ съ 1852 по 1857 годъ. Почти все это время съ небольшими сравнительно промежутками я проболѣлъ лихорадкою: вѣроятно, каменное зданіе школы было сырое. Поэтому въ старшемъ классѣ я оставался на повторительный курсъ. Тѣмъ не менѣе на старшемъ курсѣ я за успѣхи и хорошее поведеніе былъ назначенъ старшимъ по школѣ воспитанникомъ и окончилъ таковую съ наградою, въ чемъ и выданъ былъ мнѣ аттестатъ, который давалъ мнѣ право на занятіе должности сельскаго писаря.

III.

Командированіе меня для практики въ Волынскую палату государственныхъ имуществъ.—Назначеніе сельскимъ писаремъ.—Организація управленія государственными имуществами и казенными крестьянами въ Волынской губерніи.—Оклады жалованья сельскихъ писарей.—Сдача ими годовой отчетности.—Взыскательность и несправедливость начальствующихъ лицъ.—Упраздненіе Межиричской школы и причины этого.

По окончаніи курса въ писарской школѣ, меня отправили вмѣстѣ съ другими товарищами одного выпуска на практику въ Волынскую палату государственныхъ имуществъ въ городѣ Житомірѣ. Управляющимъ палатою былъ въ то время дѣйствительный

[1]) К. И. Афендикъ потомъ служилъ въ должности стряпчаго и въ другихъ должностяхъ, но чиновники старались отовсюду вытѣснять его за строгость и неподкупную честность.

статскій совѣтникъ Бѣленицынъ, совѣтниками отдѣленій: хозяйственнаго—Долгердъ и контрольнаго—Лютовскій. Я былъ назначенъ сначала въ хозяйственное, а затѣмъ въ контрольное отдѣленіе, гдѣ мнѣ было поручено составленіе журналовъ о ревизіи денежныхъ книгъ казенныхъ сельскихъ и окружныхъ управленій. Работа моя была признана вполнѣ удовлетворительною, почему управляющій палатою назначилъ меня 2-го октября 1858 года на первую открывшуюся въ губерніи вакансію сельскаго писаря, именно въ мѣстечко Корытницу Владиміръ-Волынскаго уѣзда. Съ этого времени и началась моя дѣйствительная служба въ сельскихъ общественныхъ должностяхъ, продолжавшаяся непрерывно сорокъ лѣтъ. Теперь необходимо сказать нѣсколько словъ о порядкѣ мѣстнаго управленія государственными крестьянами.

Высшимъ мѣстнымъ учрежденіемъ по управленію государственными имуществами (а въ томъ числѣ и государственными крестьянами) была Волынская палата государственныхъ имуществъ. Она завѣдывала нѣсколькими округами, которые раздѣлялись на уѣзды, послѣднимъ же подчинялись сельскія управленія. Окружное управленіе состояло изъ начальника округа, его помощниковъ и секретаря, которому давалось въ помощь нѣсколько писцовъ, завѣдывавшихъ разными частями письмоводства. Сельскія управленія состояли изъ слѣдующихъ лицъ, выбиравшихся обществомъ крестьянъ на три года: сельскаго старшины, сборщика податей, смотрителя запаснаго сельскаго магазина и сельскихъ старостъ. Все письмоводство велъ сельскій писарь, назначаемый палатою. Старшина каждые три года получалъ казенный черный кафтанъ съ золотымъ галуномъ на воротникѣ и по борту до конца полы, а прослужившему три трехлѣтія старшинѣ жаловался особый почетный кафтанъ съ соотвѣтственными украшеніями. Сельскимъ писарямъ тоже была присвоена особая форма: сѣрая шинель съ зелеными петлицами, однобортный сюртукъ съ стоячимъ зеленымъ воротникомъ и съ 9 металлическими пуговицами, на которыхъ изображенъ былъ гербъ губерніи, на рукавахъ зеленыя выпушки и брюки съ зеленымъ кантомъ. Въ присутственной комнатѣ сельскаго управленія стоялъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, и на немъ всегда должна была находиться особая книга, припечатанная печатью палаты государственныхъ имуществъ, въ которую ревизующіе чиновники записывали свои замѣчанія. Кромѣ того, въ домѣ сельскаго управленія имѣлась гостиная для проѣзжающихъ чиновниковъ и комната для писаря. Ревизіи производились довольно часто окружнымъ начальникомъ, его помощниками и секретаремъ, а иногда и управляющимъ палатою. Сельскія управленія дѣлились по числу народонаселенія на три разряда, при чемъ жалованье писарямъ, соотвѣтственно этимъ разрядамъ, полагалось слѣдующее: въ I разрядѣ 90 рублей, во II—70 и въ III—50 рублей въ годъ.

Въ управленіяхъ I и II разряда полагалось еще по одному помощнику писаря, получавшему 18 рублей въ годъ. Жить на такія средства, конечно, было трудно, хотя въ то время жизнь была дешева. Однако съ грѣхомъ пополамъ человѣку одинокому еще можно было бы жить, если бы не вымогали денегъ чиновники. Особенно трудно приходилось въ концѣ года, когда писаря должны были, забравъ съ собой всѣ бумаги и документы, ѣхать въ окружное управленіе для сдачи годового отчета. Это время было самымъ хлѣбнымъ для окружныхъ чиновниковъ, которые придирались ко всему, и сдать благополучно отчетность безъ надлежащаго приложенія было не возможно, иначе о несговорчивомъ писарѣ дѣлался неблагопріятный докладъ окружному начальнику, и писарю приходилось плохо. Сдача отчетности продолжалась не менѣе мѣсяца, и поэтому можно судить, сколько требовалось усилій и подношеній, чтобы раздѣлаться съ отчетомъ. Нужно притомъ сказать, что до 1860 года управляющій палатою, начальникъ округа и его помощники довольно часто наказывали розгами должностныхъ лицъ сельскаго управленія, въ томъ числѣ и писарей. Имѣли ли они такое право, я сомнѣваюсь, но въ то тяжелое время всякій власть имущій дѣлалъ, что хотѣлъ, съ меньшей братіей. И вотъ, чтобы избѣгнуть экзекуціи или увольненія отъ службы, писарямъ, при сдачѣ отчета и другихъ подобныхъ случаяхъ, приходилось задабривать чиновниковъ всячески. Если у писаря не было денегъ, то онъ долженъ былъ привезти нѣсколько мѣшковъ зерна, а откуда онъ могъ его взять? Нужно было въ свою очередь накладывать контрибуцію на крестьянъ или же заимствовать изъ запаснаго сельскаго магазина. И дѣйствительно, чтобы угодить чиновникамъ писаря часто разоряли магазины.

Вообще въ то время чиновники и начальники, въ особенности ближайшіе, за немногими исключеніями, не отличались честностью и справедливостью. Въ Ковельскомъ округѣ окружнымъ начальникомъ былъ подполковникъ Ш., человѣкъ жестокій и далеко не всегда справедливый. Время тогда вообще было жестокое, но Ш. своими подвигами выдѣлялся среди другихъ. Когда онъ появлялся въ селѣ или вызывалъ къ себѣ въ управленіе писаря, то послѣдній зналъ, что ему не сдобровать, такъ какъ Ш., повидимому, находилъ особенное удовольствіе въ истязаніи людей. Найдя какую нибудь неправильность дѣйствительную или мнимую, онъ моментально приходилъ въ бѣшенство, схватывалъ свою жертву обѣими руками и билъ головой объ стѣну, когда же несчастный падалъ, то билъ и топталъ его ногами до тѣхъ поръ, пока не уставалъ. Затѣмъ онъ приказывалъ его сѣчь, и сѣченіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока наказываемый не терялъ сознанія и не переставалъ кричать. Послѣ такой экзекуціи многіе заболѣвали, а кто былъ послабѣе, то и умирали. Одинъ писарь, по фамиліи Шпакъ, зная,

что къ нему ѣдетъ Ш., и что ему не избѣжать жестокой порки, чтобы избѣжать истязанія, рѣшился на отчаянный поступокъ. Въ тотъ день, когда долженъ былъ пріѣхать Ш., онъ удалилъ изъ канцеляріи всѣхъ, а самъ расположился тамъ по-домашнему—въ халатѣ и съ трубкой въ зубахъ. Является Ш., входитъ въ канцелярію и отъ удивленія останавливается у дверей, а Шпакъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сидитъ и покуриваетъ трубку. Взбѣшенный Ш. кричитъ: «Это что за птица?»—«Шпакъ»,—отвѣчаетъ тотъ невозмутимо.—«Что за лицо?»—продолжаетъ кричать Ш.—«Осповатое»,—отвѣчаетъ Шпакъ (лицо у него были въ оспинахъ). Ш. бросается съ руганью на Шпака, но послѣдній хватаетъ его самъ и начинаетъ колотить. Поколотивши Ш., какъ слѣдуетъ, Шпакъ выскакиваетъ изъ канцеляріи черезъ окно съ крикомъ, что начальникъ его бьетъ. Избитый Ш. поднимается съ полу, выходитъ изъ канцеляріи и немедленно уѣзжаетъ. Посовѣтовавшись съ своимъ помощникомъ, онъ рѣшилъ не возбуждать этого дѣла офиціально, но устроилъ такъ, что Шпакъ былъ сданъ въ солдаты и поступилъ въ гвардію. Оттуда онъ писалъ Ш. письма съ просьбой прислать денегъ, и Ш. исполнялъ его просьбы, посылая ему по 25 рублей каждый разъ.

Какъ трудно было угодить тогда начальству, можно судить, напримѣръ, по слѣдующему случаю. Окружный начальникъ (тотъ же Ш.) требовалъ отъ писарей являться къ нему одѣтыми безукоризненно чисто и строго по формѣ; наоборотъ, помощникъ его, полякъ К., увидѣвъ писаря чисто одѣтымъ, кричалъ на него: «а ты что за паничъ такой!» и прибавлялъ еще какое нибудь ругательство. Къ нему нужно было являться въ засаленномъ мундирѣ, на коемъ недостаетъ нѣсколькихъ пуговицъ, въ грязныхъ и рваныхъ сапогахъ.

Придираясь къ писарю и за дѣло и безъ дѣла, тогдашніе начальники сами въ то же время далеко не были образцами честности и обходились съ казеннымъ имуществомъ, какъ со своимъ собственнымъ. Приведу одинъ примѣръ изъ многихъ такихъ же. Въ бытность корытницкимъ сельскимъ писаремъ, я узналъ, что 50 штукъ деревьевъ изъ казеннаго строевого лѣса безъ клейма кѣмъ-то вырублено и вывезено къ рѣкѣ Бугу для переправы въ Дубенку. Я тотчасъ же распорядился арестовать это дерево. На другое утро пріѣхалъ ко мнѣ еврей, купецъ изъ города Дубенки, и просилъ освободить дерево отъ ареста, предлагая за это взятку. Я, конечно, отказался, говоря, что долженъ донести объ этомъ палатѣ государственныхъ имуществъ, и если послѣдняя разрѣшитъ выдать ему дерево, то я исполню это безпрекословно. Тогда еврей пригрозилъ мнѣ неудовольствіемъ со стороны начальства и уѣхалъ. На другой день я получилъ приказаніе явиться въ окружное управленіе въ Ковель за 60 верстъ, а старосту выслать въ другую сто-

рону за взысканіемъ недоимки. Я уѣхалъ въ Ковель, и тамъ окружной начальникъ продержалъ меня подъ разными предлогами цѣлыя сутки. Возвратившись назадъ, я узналъ, что дерево уже взято евреемъ, который, какъ оказалось, ѣздилъ къ лѣсничему казенныхъ лѣсовъ, а послѣдній просилъ Ш. освободить дерево отъ ареста. Офиціально ко мнѣ за это трудно было придраться, но такая несговорчивость ставилась мнѣ на счетъ, и затѣмъ при каждомъ случаѣ выражалось неудовольствіе ко мнѣ начальства. Впрочемъ наказанія розгами мнѣ какъ-то удалось избѣгнуть, но къ какимъ ухищреніямъ надо было для этого прибѣгать! Какъ воспитанникъ Межиричской школы, я былъ освобожденъ отъ тѣлеснаго наказанія, но это ничего не значило, такъ какъ права людей маленькихъ ставились тогда ни во что.

Однакоже между тогдашними администраторами попадались и справедливые начальники, въ особенности изъ высшихъ чиновниковъ чисто русскаго происхожденія. Приведу такой примѣръ. Въ 1860 году окружныя управленія были устранены, а для ревизіи сельскихъ управленій командировались чиновники особыхъ порученій Волынской палаты государственныхъ имуществъ. Одинъ изъ такихъ чиновниковъ, полякъ Бычковскій, производя ревизію въ селѣ, гдѣ я былъ писаремъ, не помню, по какому поводу придрался ко мнѣ, отнесся крайне пристрастно, исказилъ факты и представилъ къ увольненію. Но управляющій палатою Бѣленицынъ, который уже нѣсколько зналъ меня, посмотрѣлъ на дѣло иначе. Онъ самъ провѣрилъ факты на мѣстѣ, увидѣлъ, что они искажены Бычковскимъ, и въ результатѣ не только меня не уволилъ, а даже объявилъ благодарность за усердную службу. Мало того, онъ представилъ Бычковскаго къ увольненію, и послѣдній только по стараніямъ своихъ защитниковъ былъ переведенъ въ Олонецкую губернію.

Другой такой чиновникъ особыхъ порученій, нѣкто Скляровъ-Скляренко, только что окончившій университетъ, пріѣхавъ въ первый разъ на ревизію, насмѣшилъ все село полнѣйшимъ отсутствіемъ всякаго понятія объ условіяхъ деревенской жизни. Въѣхавъ въ село, онъ встрѣтилъ на улицѣ стадо скота, идущее съ пастбища. Это показалось ему страшнымъ безпорядкомъ, и онъ сталъ распекать старшину за то, что онъ позволяетъ гнать скотъ по главной проѣздной улицѣ и загрязнять ее, тогда какъ скотъ долженъ проходить задними дворами. Старшина съ большимъ трудомъ могъ убѣдить его, что на заднихъ дворахъ находятся крестьянскіе огороды, и допускать туда скота нельзя... Но и этотъ строгій блюститель деревенской чистоты, только что оставившій университетскую аудиторію, оказался потомъ далеко нечистымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Да и какъ же иначе могъ бы онъ ужиться въ тогдашней чиновнической средѣ?

Что касается писарей, вышедшихъ изъ межиричской писарской школы и воспитанныхъ такими преданными своему долгу людьми, какъ начальникъ этой школы Вейтбрехтъ, а потомъ Ковалевъ, и инспекторъ Афендикъ, а потомъ Самоцвѣтъ и Синельниковъ, то они, вообще говоря, старались на дѣлѣ слѣдовать завѣтамъ своихъ воспитателей и блюсти интересы казны и крестьянъ. Это не нравилось многимъ чиновникамъ (въ числѣ которыхъ было немало и поляковъ, потомъ даже участвовавшихъ въ возстаніи), и потому писаря эти подвергались преслѣдованіямъ, переводились съ мѣста на мѣсто или же совсѣмъ увольнялись за какую либо фиктивную вину, а на ихъ мѣсто назначались люди болѣе покладистые. Конечно, эти чиновники очень косо смотрѣли и на межиричскую школу, выпускавшую знающихъ и истинно русскихъ работниковъ сельскаго управленія. И вотъ, когда управляющимъ Волынскою палатою государственныхъ имуществъ послѣ Бѣленицына былъ назначенъ полякъ Хондзынскій, то онъ сталъ дѣлать представленія о несоотвѣтствіи этой школы своему назначенію и добился того, что школа была закрыта въ 1862 году.

IV.

Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. — Преобразованія въ управленіи казенными крестьянами.—Мировые посредники изъ поляковъ и ихъ недобросовѣстное отношеніе къ крестьянамъ.—Возстаніе 1863 года и мѣры правительства въ средѣ крестьянъ.—Участіе въ возстаніи нѣкоторыхъ чиновниковъ изъ поляковъ.

Въ 1861 году состоялся великій актъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Государственные крестьяне находились въ особомъ положеніи, не испытывали крѣпостного гнета, и потому для нихъ эта реформа не имѣла такой громадной важности, какъ для крѣпостныхъ; но все же и ихъ положеніе значительно измѣнилось. Казенныя сельскія управленія были на общемъ основаніи переименованы въ волостныя и перешли въ вѣдѣніе мировыхъ посредниковъ, а чиновники палаты государственныхъ имуществъ упразднены. Мировые посредники назначались сначала изъ мѣстныхъ помѣщиковъ-поляковъ. Понятно, что они исполняли свое дѣло несовсѣмъ добросовѣстно, соблюдая только интересы своихъ собратій-помѣщиковъ въ ущербъ крестьянъ. Приведу одинъ примѣръ такой ихъ дѣятельности.

Въ Ковельскомъ уѣздѣ мировымъ посредникомъ былъ назначенъ помѣщикъ имѣнія «Буцынь», Пржесмыцкій. Это имѣніе находилось по сосѣдству съ другимъ имѣніемъ «Хоромцы», принадлежавшимъ помѣщику Шиманскому и граничившимъ съ землями государственныхъ крестьянъ села Мизова. Эти крестьяне не имѣли своего лѣса и пользовались таковымъ у помѣщика Шиманскаго за производи-

мыя у него хозяйственныя работы. Шиманскій платилъ имъ за эти работы дровами изъ лѣса, выдавая имъ расписки по роду работы на извѣстное число фуръ дровъ. До высочайшаго указа 19 февраля 1861 года по распискамъ этимъ дрова выдавались крестьянамъ исправно; послѣ же указа и назначенія мировымъ посредникомъ его сосѣда, Пржесмыцкаго, Шиманскій пересталъ выдавать дрова по распискамъ. Крестьяне нѣсколько разъ заявляли объ этомъ мировому посреднику Пржесмыцкому, но послѣдній ихъ просьбы оставлялъ безъ послѣдствій. Нѣсколько крестьянъ, съ дозволенія сына Шиманскаго, нарубили себѣ въ лѣсу его нѣсколько фуръ ольховыхъ дровъ. Шиманскій, узнавъ объ этомъ, немедленно заявилъ мировому посреднику Пржесмыцкому о самовольной порубкѣ дровъ двадцатью крестьянами въ его лѣсу. Мировой посредникъ постановилъ оштрафовать 20 крестьянъ по 2 рубля и взыскать съ нихъ же въ пользу помѣщика за убытки по 1 рублю 20 коп. за каждую фуру дровъ. Постановленіе это вошло въ законную силу, такъ какъ крестьяне пропустили срокъ и не обжаловали его. Въ то время я былъ писаремъ мизовскаго сельскаго управленія и рѣшился отстоять интересы крестьянъ. Съ этой цѣлью я написалъ Шиманскому офиціальную бумагу съ просьбой сообщить, во сколько онъ цѣнитъ каждую фуру дровъ, заработанную у него крестьянами по имѣющимся у нихъ его распискамъ за прежнее время. Шиманскій отвѣтилъ, что онъ цѣнитъ фуру дровъ ольховыхъ $7^1/_2$ коп., березовыхъ 10 коп. и дубовыхъ 12 копеекъ. Затѣмъ я собралъ у крестьянъ свѣдѣнія, сколько у нихъ числилось фуръ дровъ и какихъ именно дровъ по распискамъ помѣщика, — оказалось 560 фуръ на 122 рубля. Въ то же время мировой посредникъ прислалъ бумагу съ требованіемъ поспѣшить взысканіемъ съ вышеупомянутыхъ виновныхъ въ порубкѣ лѣса крестьянъ 40 рублей штрафа и 24 рублей въ возмѣщеніе убытковъ помѣщику, а всего 64 рублей. Тогда я составилъ именной списокъ крестьянъ, которымъ слѣдовало получить дрова изъ лѣса помѣщика по распискамъ, съ расчетомъ стоимости этихъ дровъ по оцѣнкѣ мирового посредника, примѣненной имъ къ крестьянамъ за вырубленный лѣсъ (т.-е. по 1 рублю 20 коп. за фуру). По такой оцѣнкѣ за 560 фуръ крестьянамъ причиталось съ помѣщика Шиманскаго 672 рубля. Списокъ этотъ и расчетъ я отослалъ мировому посреднику съ объясненіемъ, что крестьяне согласны на его постановленіе, но по несостоятельности не могутъ уплатить требуемыхъ съ нихъ 64 рублей, почему и просятъ его сдѣлать распоряженіе о взысканіи съ помѣщика Шиманскаго слѣдуемыхъ въ ихъ пользу по его распискамъ за 560 фуръ 672 рублей (согласно оцѣнкѣ мирового посредника), изъ каковыхъ денегъ удержать 64 рубля штрафа и въ пользу помѣщика, а остальныя деньги 608 рублей прислать въ сельское управленіе для раздачи крестьянамъ по принадлежности,

послѣ чего подлинныя расписки Шиманскаго будутъ ему возвращены. Тогда дѣло сразу приняло другой оборотъ. Вскорѣ пріѣхалъ къ крестьянамъ самъ Шиманскій и просилъ не требовать съ него взысканія посредствомъ мирового посредника 672 рублей за слѣдуемыя имъ дрова, обязываясь всѣ дрова по распискамъ выдать крестьянамъ сполна и простить имъ 64 рубля штрафа за убытки. Обѣщаніе свое онъ исполнилъ, и тѣмъ дѣло и окончилось.

Подобнаго рода фактовъ пристрастнаго отношенія мировыхъ посредниковъ изъ помѣщиковъ къ крестьянамъ случалось въ то время немало. Къ счастью, такое положеніе дѣла продолжалось недолго—до возстанія 1863 года, въ которомъ приняли участіе нѣкоторые изъ тѣхъ же посредниковъ. Съ того времени посредниками назначались чисто русскіе люди, большею частью, офицеры, которые исполняли свои обязанности честно и безпристрастно.

Когда вспыхнуло возстаніе, правительство роздало становымъ приставамъ и волостнымъ управленіямъ старыя солдатскія ружья со штыками для раздачи крестьянамъ, изъ которыхъ многіе вооружились сами пиками собственной работы. Въ каждой деревнѣ была учреждена изъ крестьянъ охранная и подвижная стража подъ начальствомъ сотскихъ и десятскихъ. Охранная стража обязана была охранять свою деревню отъ повстанскихъ шаекъ, а подвижная—дѣйствовать внѣ деревни, въ сосѣднихъ лѣсахъ, производя въ нихъ обыски и выслѣживая тѣ же шайки. При имѣніяхъ и фольваркахъ помѣщиковъ были поставлены особые караулы изъ крестьянъ. Каждый караулъ снабжался особой книжкой, въ которую, въ случаѣ выѣзда помѣщика, долженъ былъ записывать, куда, зачѣмъ и надолго ли онъ выѣзжаетъ, а въ случаѣ пріѣзда какого либо помѣщика въ гости, — отмѣчать въ книжкѣ, кто онъ, откуда, зачѣмъ и надолго ли пріѣхалъ. Эту книжку караулъ долженъ былъ каждый день представлять въ волостное управленіе, гдѣ снималась съ отмѣтокъ копія и представлялась уѣздному исправнику. Повстанцы часто нападали на волостныя управленія, разбивали кассовые сундуки и забирали деньги, а должностныхъ лицъ волостного управленія иногда и вѣшали. Одинъ разъ караульный извѣстилъ меня, что къ сосѣднему помѣщику пришли съ оружіемъ повстанцы и требуютъ денегъ. Посмотрѣвъ въ караульную книжку, я увидѣлъ, что тамъ записаны прибывшими къ помѣщику писецъ Ковельскаго окружнаго управленія Пруневичъ и сынъ помощника станового пристава въ Маціовѣ Суликовскій (оба поляки). Я послалъ копію караульной записи ковельскому исправнику, казенныя деньги распорядился спрятать въ зернѣ запаснаго магазина, а самъ съ охранной и подвижной стражей отправился къ помѣщику. Но повстанцы, между которыми находились Пруневичъ и Суликовскій, вѣроятно, услышали движеніе стражи и скрылись. Потомъ я узналъ, что Пруневичъ въ одной

стычкѣ даже ранилъ старшину. Вообще въ то время немало было личностей, считавшихся вполнѣ благонамѣренными, но втайнѣ преданныхъ возстанію. Такъ, напримѣръ, въ бытность мою писаремъ Хотешовской волости, волостнымъ старшиной былъ нѣкто Грондовскій, бывшій католикъ, принявшій православіе. Онъ умѣлъ всячески угождать начальству, доставлялъ чиновникамъ обильныя приношенія и пользовался ихъ поддержкой; зато съ крестьянъ выжималъ въ свою пользу всѣ соки и обходился съ ними, какъ съ своими крѣпостными. Онъ страшно развратничалъ и творилъ всевозможныя безобразія, которымъ я, большею частью, воспрепятствовать не могъ, такъ какъ онъ пользовался поддержкой свыше и даже получалъ медали за какія-то, конечно, мнимыя отличія. Между тѣмъ, потомъ оказалось, что во время возстанія Грондовскій содержалъ на свой счетъ шайку повстанцевъ, которую наконецъ изловили казаки. Тогда раскрылись и дѣйствія Грондовскаго, и, конечно, его постигла бы печальная участь, если бы онъ въ это время не умеръ. Но и послѣ подавленія возстанія долгое время страсти не угомонивались. Много еще оставалось личностей, подобныхъ П., С. и Г., которые, соединившись съ помѣщиками и нѣкоторыми чиновниками, всячески притѣсняли крестьянъ и тѣхъ, кто отстаивалъ русское дѣло въ краѣ.

Л. Н. Савлукъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СЕЛЬСКАГО ДѢЯТЕЛЯ [1].

(Посвящается Ѳедору Ѳедоровичу Славинскому).

V.

Евреи, ихъ роль въ деревнѣ и вліяніе на администрацію уѣздную и окружную. — Ихъ продѣлки и содѣйствіе чиновниковъ. — Сельское духовенство и его отношеніе къ прихожанамъ.—Его взглядъ на народное образованіе.

НАРОДНО съ корыстолюбивыми чиновниками дѣйствовали и евреи, которые играли немаловажную роль въ разныхъ незаконныхъ продѣлкахъ (какъ видно и изъ разсказанной мною исторіи порубки казеннаго лѣса). Евреямъ вообще воспрещалось проживать въ деревняхъ и заниматься торговлею, такъ какъ они безсовѣстно эксплоатировали крестьянъ. Имъ воспрещалась также торговля питьями и арендное содержаніе казенныхъ оброчныхъ статей. Но евреи, какъ извѣстно, — большіе мастера обходить законъ, и потому всѣ корчмы и оброчныя статьи были въ ихъ рукахъ. Они ихъ брали на имя подставныхъ лицъ — несостоятельныхъ христіанъ, разумѣется, не безъ вѣдома чиновниковъ, оказывавшихъ евреямъ содѣйствіе, конечно, не безкорыстное. Евреи держали себя съ чиновниками уѣздными и окружными свободно и даже фамильярно: пили съ ними чай, публично ходили съ ними подъ руки. Уѣздная администрація до того была дружна съ евреями, что они фактически почти управляли уѣздомъ. Приведу одинъ фактъ, показы-

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CI, стр. 43.

вающій, какъ трудно было бороться съ ними и при этомъ легко было попасть въ бѣду. Въ 1859 году ковельскій окружный начальникъ предписалъ корытницкому сельскому управленію повѣрить въ корчмахъ и шинкахъ мѣры питей и оказавшіяся помятыми и невылуженными арестовать. При повѣркѣ этихъ мѣръ всѣ онѣ оказались негодными и потому были мною при членахъ сельскаго управленія арестованы. Евреи, во избѣжаніе отвѣтственности, подали на меня прошеніе окружному начальнику, обвиняя меня въ пьянствѣ и буйствѣ. Начальникъ вызвалъ меня въ Ковель и хотѣлъ высѣчь, повѣривъ (или сдѣлавъ видъ, что повѣрилъ) жидовскимъ клеветамъ. Явившись къ нему, я заявилъ, что отъ роду не пробовалъ спиртныхъ напитковъ. Не знаю, помогло ли бы это увѣреніе, если бы не заступился за меня помощникъ окружного начальника, который сказалъ ему, что знаетъ меня за человѣка, совершенно не пьющаго, и въ этомъ отношеніи вполнѣ за меня ручается. Тогда окружной начальникъ призналъ дѣйствія мои правильными.

Какъ ни трудно было бороться съ евреями, мнѣ все же удавалось нѣсколько разъ воспрепятствовать ихъ гешефтамъ, хотя и навлекая на себя тѣмъ неудовольствіе чиновниковъ, благопріятствовавшихъ евреямъ. Приведу нѣсколько такихъ случаевъ.

Однажды, въ мартѣ 1866 года, въ бытность мою писаремъ Смидинской волости, является ко мнѣ изъ Ковеля еврей, подосланный упомянутымъ выше чиновникомъ палаты государственныхъ имуществъ С.-С. (ревнителемъ чистоты деревенскихъ улицъ) съ предложеніемъ составить, яко бы отъ имени сельскаго схода, приговоръ о желаніи отдать этому еврею до 2.000 четвертей ржи изъ запаснаго магазина съ тѣмъ, чтобы еврей къ осени возвратилъ въ магазинъ такое же количество свѣжаго зерна. На это я сказалъ, что соберу сходъ и заявлю ему предложеніе еврея, но въ душѣ рѣшилъ воспрепятствовать его проекту. А проектъ этотъ сулилъ ему огромный барышъ. Дѣло въ томъ, что въ это время сами крестьяне нуждались въ зернѣ для продовольствія и посѣва; они покупали четверть зерна по 6 рублей, а продавали его осенью по 3 рубля. Такимъ образомъ, еврей, забравши зерно изъ магазина, могъ заработать на немъ до 6.000 рублей, а крестьяне столько же теряли. Собравъ сходъ, я разъяснилъ все это крестьянамъ и посовѣтовалъ имъ самимъ разобрать зерно весною, а осенью возвратить свѣжее. Крестьяне, конечно, согласились, составленъ былъ приговоръ и посланъ на утвержденіе тому же чиновнику С.-С. Послѣдній, конечно, остался крайне недоволенъ, угрожалъ (какъ передавалъ мнѣ тотъ же еврей) уволить меня отъ должности, но не имѣлъ основаній не утвердить вполнѣ правильнаго приговора схода.

Въ 1865 году въ селѣ Нуйнѣ Хотешовскаго сельскаго управленія было двѣ казенныхъ водяныхъ мельницы на рѣкѣ Турія.

Мельницы эти арендовалъ еврей и вносилъ доходъ въ казну. Вдругъ, по чьему-то приказанію, снимаютъ въ мельницахъ камни, вынимаютъ веретена и доносятъ палатѣ государственныхъ имуществъ, что мельницы не могутъ дѣйствовать и приносить доходъ казнѣ. Пріѣхалъ на слѣдствіе чиновникъ палаты, осмотрѣлъ мельницы и донесъ, что онѣ дѣйствительно не могутъ дѣйствовать. Но лишь только уѣхалъ чиновникъ, какъ еврей вставилъ веретена, наложилъ камни, и мельницы стали попрежнему дѣйствовать и приносить доходъ, только уже не казнѣ. Узнавъ объ этомъ, я донесъ палатѣ отъ имени сельскаго управленія, и доходъ сталъ снова поступать въ казну. Окружной начальникъ Ш., очевидно, заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, страшно разсердился на меня за донесеніе палатѣ государственныхъ имуществъ помимо его, но все же не имѣлъ достаточной причины наказать меня.

До 1866 года общество крестьянъ села Хотешова отдавало ежегодно еврею, по приговору, право продажи питей на ихъ земляхъ, за что еврей ставилъ крестьянамъ два ведра водки. Кромѣ того, за утвержденіе приговора онъ давалъ чиновнику палаты Л. 200 рублей. Въ 1866 году крестьяне хотѣли предоставить то же право еврею Киршу также за два ведра водки. Зная, что еврею придется платить Л. 200 рублей, я задумалъ обратить эти деньги въ пользу общества. Я указалъ крестьянамъ на то, что въ селѣ имѣется училище безъ всякой мебели и книгъ, да и учитель почти ничего не получаетъ, а потому слѣдуетъ потребовать съ еврея 200 рублей въ пользу училища за право продажи питей на ихъ земляхъ, а иначе не давать ему приговора. Еврей согласился дать на училище 200 рублей, приговоръ былъ составленъ и посланъ на утвержденіе тому же чиновнику Л., который, не получивъ ожидаемой взятки, постарался перевести меня въ смидинское сельское управленіе, а на мое мѣсто посадилъ писаремъ человѣка болѣе податливаго.

Какъ я сказалъ выше, своимъ первоначальнымъ обученіемъ грамотѣ я обязанъ былъ священникамъ: отцамъ Василію Михалевичу и Льву Страшкевичу. Поэтому я сохранилъ къ нимъ въ сердцѣ своемъ горячую благодарность и ко всѣмъ вообще священникамъ относился съ крайнимъ почтеніемъ, почти что съ благоговѣніемъ. Къ сожалѣнію, выйдя на самостоятельное поприще жизни, я убѣдился, что такихъ личностей, какъ отцы Василій и Левъ, въ средѣ мѣстнаго духовенства встрѣчается весьма мало, и что вообще сельскіе духовные отцы относятся къ своимъ чадамъ далеко не по-пастырски и не по-христіански. Сначала это меня крайне поражало и удивляло, но потомъ я успѣлъ присмотрѣться ко многому и увидѣлъ, что наша практическая жизнь очень далека отъ того, чему насъ поучаютъ въ школахъ. Конечно, приходскіе сельскіе священники получали отъ казны жалованье небольшое (не

превышавшее 300 рублей въ годъ), но въ то время жизнь была очень дешева, да и вымогательства ихъ за требы превосходили всякую мѣру. Если бы я сталъ приводить всѣ видѣнные мною примѣры ихъ корыстолюбія и безсердечія, то не знаю, когда бы кончилъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ числились приходскія школы, но священники въ нихъ почти не занимались, хотя и представляли блестящіе отчеты объ обученіи въ нихъ дѣтей. Одинъ разъ я засталъ священника села «Старая Высва», отца Николая Л., за составленіемъ такого отчета, въ которомъ было указано, что такой-то ученикъ читаетъ псалтирь, другой—дѣянія свв. апостоловъ, третій—учитъ катихизисъ, четвертый переходитъ отъ азбуки къ чтенію и т. д. Я заинтересовался этимъ отчетомъ и захотѣлъ его провѣрить. Къ удивленію моему, оказалось, что училище вовсе не существуетъ въ селѣ фактически, а указанные въ вѣдомости ученики не только не читали, но и не видѣли псалтири и тому подобныхъ книгъ; они даже не подозрѣвали, что считаются учениками приходскаго училища. Я не вытерпѣлъ и при случаѣ выразилъ по этому поводу свое удивленіе отцу Николаю. Тогда послѣдній откровенно высказалъ мнѣ свой взглядъ на это дѣло. По его мнѣнію, для «мужицкихъ» дѣтей грамота—дѣло совершенно лишнее, а, пожалуй, и вредное, потому что мужикъ, выучившійся грамотѣ и познакомившійся съ своими правами, станетъ умничать и жаловаться на дѣйствія священниковъ, даже перестанетъ платить за требы. Послѣ такого откровеннаго признанія я уже пересталъ удивляться странному отношенію пастырей къ пасомымъ, но зато и мое прежнее глубокое почтеніе къ духовнымъ отцамъ замѣнилось совершенно другимъ чувствомъ. Но не стану больше распространяться объ этомъ предметѣ, глубоко прискорбномъ сердцу всякаго истинно русскаго и набожнаго человѣка. При томъ же это дѣло прошлое, и надѣюсь, что въ настоящее время положеніе дѣла измѣнилось къ лучшему.

VI.

Переводъ мой на службу въ царство Польское. — Холмскій уѣздъ Люблинской губерніи. — Составъ населенія «гмины», соотвѣтствующей волости. — Трудность дѣлопроизводства гминныхъ управленій. — Предубѣжденіе ко мнѣ крестьянъ изъ поляковъ, вскорѣ смѣнившееся расположеніемъ. — Враждебное отношеніе ко мнѣ помѣщиковъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ чиновниковъ.

Всѣ изложенные случаи привели къ тому, что чиновники стали сильно меня недолюбливать и всячески ко мнѣ придираться. Будучи холостымъ, я на эти придирки не обращалъ особеннаго вниманія, но въ 1861 году я женился, у меня пошли дѣти, и я сталъ призадумываться надъ непрочностью своего служебнаго положенія. Приходилось подумать и о средствахъ дать образованіе подростаю-

щимъ дѣтямъ. Поэтому я сталъ хлопотать о переводѣ на службу въ Привислинскій край, въ сосѣдній съ Ковельскимъ уѣздомъ Холмскій уѣздъ Люблинской губерніи, зная, что въ городѣ Холмѣ много учебныхъ заведеній. Старанія мои наконецъ увѣнчались успѣхомъ, и въ 1867 году я перешелъ въ Холмскій уѣздъ на должность гминнаго писаря въ гмину Сѣдлище. Въ Холмскомъ уѣздѣ я прослужилъ съ тѣхъ поръ болѣе 30 лѣтъ въ гминныхъ должностяхъ (сначала писаря, а потомъ—войта) вплоть до 1898 г., когда, утомленный трудной службой, оставилъ ее, пріискавъ себѣ болѣе покойную должность по казенной винной монополіи въ томъ же Холмскомъ уѣздѣ.

Въ Привислинскомъ краѣ (или въ царствѣ Польскомъ) условія сельской службы нѣсколько другія, чѣмъ въ имперіи. Въ волостяхъ составъ населенія однородный, такъ какъ въ нихъ числятся только крестьяне; гмина же (соотвѣтствующая волости) представляетъ единицу всесословную: въ ней числятся, кромѣ крестьянъ, и мѣстные помѣщики-дворяне, и мѣщане, и евреи. Соотвѣтственно этому и обязанности должностныхъ лицъ гминнаго управленія, т.-е. войтовъ (соотвѣтствующихъ старшинамъ въ Россіи), писарей и солтысовъ, или сотскихъ, значительно труднѣе и сложнѣе, чѣмъ въ волостяхъ. Но самый тяжелый трудъ выпадаетъ, конечно, на долю гминнаго писаря, обремененнаго обширнымъ дѣлопроизводствомъ. Во всѣхъ вообще гминахъ имѣется одинъ помощникъ писаря съ жалованьемъ до 120 рублей, но нѣкоторыя гмины такъ велики, что писаря должны держать двухъ и даже болѣе помощниковъ.

Мое же новое положеніе усложнялось и затруднялось еще и тѣмъ, что я попалъ въ совершенно новую среду, чуждую мнѣ по вѣроисповѣданію и враждебную по національности. Населеніе состояло преимущественно изъ поляковъ-католиковъ; затѣмъ—(въ меньшей части) изъ малороссовъ греко-уніатскаго вѣроисповѣданія и изъ евреевъ, населявшихъ преимущественно болѣе людныя села и мѣстечки. Въ то время въ Холмскомъ уѣздѣ не было еще ни одного православнаго гминнаго писаря, и потому все польское населеніе, въ особенности помѣщики, относилось ко мнѣ на первыхъ порахъ очень враждебно, тѣмъ болѣе, что послѣ недавняго возстанія разгорѣвшіяся страсти еще не улеглись, и племенная вражда проявлялась очень сильно. Католическая пропаганда дѣйствовала успѣшно и достигла того, что греко-уніатскіе священники и ихъ богослуженіе по внѣшнему виду почти не отличались отъ католическихъ. При такихъ условіяхъ я на первыхъ порахъ чувствовалъ себя очень скверно. Однако же съ теченіемъ времени мнѣ удалось побѣдить составившееся въ народѣ противъ меня предубѣжденіе и даже пріобрѣсти его расположеніе. Это объясняется тѣмъ, что писаря изъ поляковъ были большею частью изъ шлях-

тичей и потому смотрѣли на простыхъ людей свысока, относились къ нимъ высокомѣрно, но при случаѣ все же драли съ нихъ шкуру изрядно; я же, какъ на Волыни, такъ и здѣсь, въ царствѣ Польскомъ, всегда держалъ себя съ крестьянами запросто, часто вступалъ съ ними въ разговоры, разспрашивалъ объ ихъ бытѣ, условіяхъ жизни, о религіи, давалъ при случаѣ и совершенно безкорыстно полезные совѣты. Поэтому крестьяне, сначала относившіеся ко мнѣ непріязненно и подозрительно, видя доброе и искреннее мое къ нимъ отношеніе, наконецъ оцѣнили его, какъ слѣдуетъ, почувствовали ко мнѣ довѣріе и сами искали случая поговорить со мной и посовѣтоваться по разнымъ дѣламъ не только служебнымъ, но и семейнымъ и даже религіознымъ. Расположеніе ко мнѣ крестьянъ сильно сказалось хотя бы въ томъ, что въ 1868 году (т.-е. менѣе, чѣмъ черезъ годъ послѣ моего назначенія) крестьяне сосѣдней гмины «Цыцовъ» уже просили начальника уѣзда дать имъ такого же «ржондоваго» (т.-е. отъ правительства) и вполнѣ русскаго писаря, какъ и въ Сѣдлищѣ. Воспользовавшись такимъ довѣріемъ ко мнѣ крестьянъ, особенно изъ малороссовъ, я нерѣдко вдавался съ ними и въ религіозныя бесѣды и достигъ того, что въ гминѣ Сѣдлищѣ до 60 католиковъ (которыхъ предки были греко-уніатами) обратились къ греко-уніатскому обряду, а въ 1872 году, когда я перешелъ въ гмину «Кривички» (поближе къ Холму), гминный сходъ составилъ приговоръ о желаніи греко-уніатовъ воссоединиться съ православіемъ, но уѣздная власть не дала хода этому приговору, находя его преждевременнымъ [1]).

Такимъ образомъ мои отношенія къ населенію постепенно вполнѣ хорошо наладились, если не считать помѣщиковъ и поляковъ, считавшихъ себя выше остального населенія, разныхъ мелкихъ шляхтичей, которые всячески агитировали противъ меня, называя «москалемъ» и «казакомъ». Послѣдніе встрѣчали въ этомъ содѣйствіе со стороны уѣздныхъ чиновниковъ (тоже поляковъ). Впрочемъ, нужно сказать, что и многіе русскіе чиновники уѣздной администраціи, окруженные чиновниками изъ поляковъ и пользуясь всевозможными услугами отъ помѣщиковъ, старались жить съ ними въ ладу и поддерживать ихъ при каждомъ случаѣ. Начальникъ уѣзда, подполковникъ Емцовъ [2]), человѣкъ чисто русскаго происхожденія, держалъ себя, тѣмъ не менѣе, какъ-то двусмысленно, служилъ, что называется, и нашимъ и вашимъ и подъ покровомъ «политики примиренія» старался жить со всѣми въ ладу, заботясь только о собственномъ покоѣ и благополучіи, чего и достигъ вполнѣ. Ко мнѣ онъ относился, повидимому, хорошо, но особенной

[1]) Какъ извѣстно, черезъ 3 года—въ 1875 году, состоялось общее воссоединеніе греко-уніатовъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній съ православіемъ.

[2]) Онъ прослужилъ начальникомъ Холмскаго уѣзда болѣе 25 лѣтъ и умеръ въ отставкѣ въ 1902 году.

поддержки въ моей борьбѣ съ враждебными всѣму русскому элементами не оказывалъ и только увѣщевалъ меня всегда быть потише и посмирнѣе. Зато нѣкоторые его помощники[1]), жившіе въ дружбѣ съ помѣщиками, относились ко мнѣ прямо враждебно и старались выжить меня. Въ особенности, сильно меня преслѣдовалъ начальникъ земской стражи, штабсъ-капитанъ С. Это былъ полный сангвиникъ, любившій пожуировать, а въ особенности неравнодушный къ женскому полу. Онъ ухаживалъ за женами и родственницами писарей поляковъ и со многими изъ нихъ былъ въ связи, а при случаѣ не брезгалъ и крестьянками, которыхъ и приводили къ нему въ гминное управленіе, гдѣ онъ ночевалъ при служебныхъ объѣздахъ. Вообще писаря дѣлали ему множество всякихъ услугъ по клубничной и другимъ частямъ, зато и онъ мирволилъ имъ и скрывалъ всѣ ихъ неблаговидныя продѣлки. Съ помѣщиками онъ тоже жилъ хорошо и старался въ воздаяніе разныхъ ихъ услугъ избавлять ихъ отъ взысканія нѣкоторыхъ податей. Пріѣхавъ въ Сѣдлищское гминное управленіе послѣ назначенія меня писаремъ этого управленія, онъ, конечно, ожидалъ и отъ меня такихъ же услугъ и раболѣпства, но ошибся. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на полную и красивую кормилицу моей маленькой дочери и прямо высказалъ мнѣ свои виды на эту кормилицу, ожидая въ этомъ случаѣ, вѣроятно, моего содѣйствія, но встрѣтилъ категорическій отказъ, что̀ его крайне раздосадовало. Въ другой разъ онъ потребовалъ у меня вычеркнуть изъ раскладки числившуюся за помѣщикомъ довольно крупную недоимку и разложить ее на крестьянъ. Конечно, и въ этомъ я ему отказалъ. Тогда начался съ его стороны рядъ придирокъ и гоненій при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Въ сущности С., какъ начальникъ земской стражи, не былъ моимъ прямымъ начальникомъ, но начальникъ уѣзда, ограничиваясь самъ канцелярской работой, поручалъ ему ревизію дѣлъ въ гминныхъ управленіяхъ. Пользуясь этимъ, С. и старался устраивать мнѣ разныя «каверзы», но повредить мнѣ серьезно не могъ, во-первыхъ, потому, что денежная отчетность, всѣ суммы и дѣла всегда были у меня въ порядкѣ, а, во-вторыхъ, потому, что меня сильно поддерживали комиссары по крестьянскимъ дѣламъ (о чемъ будетъ рѣчь ниже). Наконецъ, его перевели въ другой уѣздъ, и вскорѣ онъ умеръ отъ неумѣренныхъ возліяній. Къ прискорбію, это былъ не единственный русскій чиновникъ (и при томъ носившій офицерскій чинъ), отъ котораго я вынесъ систематическое преслѣдованіе. Въ своемъ мѣстѣ я разскажу объ упорномъ гоненіи на меня другого началь-

[1]) Въ Привислинскомъ краѣ начальники уѣздовъ имѣютъ каждый двухъ помощниковъ: одного—по административной, а другого—по полицейской части. Послѣдній долженъ имѣть офицерскій чинъ и называется начальникомъ земской стражи.

ника земской стражи, назначеннаго подъ конецъ начальникомъ Холмскаго уѣзда и въ этой должности имѣвшаго возможность еще болѣе вредить мнѣ по тѣмъ же причинамъ, что и С. Грустно русскому человѣку вспоминать и разсказывать о такихъ исторіяхъ, но эти исторіи — факты, которыхъ нельзя обойти въ моемъ разсказѣ.

VII.

Встрѣченная мною поддержка и покровительство со стороны комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкина и Д. Г. Баранова.—Сущность ихъ обязанностей и характеристика ихъ служебной дѣятельности.

Зато съ тѣмъ большей отрадой и благодарностью вспоминаю я о тѣхъ истинно русскихъ людяхъ и высоко честныхъ чиновникахъ, которые горячо сочувствовали моей дѣятельности и не только оказывали мнѣ полное содѣйствіе и поддержку, но и спасали отъ преслѣдованій господъ, подобныхъ упомянутому С. Этими незабвенными для меня и вообще для крестьянъ Холмскаго уѣзда людьми были комиссары по крестьянскимъ дѣламъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ [1]), а потомъ Д. Г. Барановъ [2]) (оба уже покойные). Какъ по своему образованію, такъ и по своему глубоко честному, истинно патріотическому направленію, эти лица совершенно выдѣлялись изъ среды уѣздныхъ чиновниковъ, да и по служебному положенію стояли выше ихъ. Должность комиссара по крестьянскимъ дѣламъ въ царствѣ Польскомъ соотвѣтствуетъ должности мирового посредника въ имперіи. Должность эта учреждена правительствомъ для точной регистраціи земельныхъ надѣловъ и урегулированія земельныхъ отношеній и недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами. Нечего и говорить, что это была функція чрезвычайно важная, и исполнявшіе ее правительственные агенты должны были назначаться изъ людей, не только вполнѣ образованныхъ, но и глубоко честныхъ и преданныхъ своему дѣлу. Въ то время разныхъ неулаженныхъ земельныхъ дѣлъ между помѣщиками и крестьянами было немало, и само собою разумѣется, что первые употребляли всѣ усилія, чтобы захватить себѣ побольше крестьянской земли. Земля эта была, по приказанію императора Николая I, въ 1847 году зарегистрована въ царствѣ Польскомъ за крестьянами и занесена въ такъ называемыя «престаціонныя» табели. Это было сдѣлано съ цѣлью точно опредѣлить для каждаго крестьянина тотъ надѣлъ земли, за который онъ долженъ былъ нести въ пользу помѣщика

[1]) Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ былъ впослѣдствіи директоромъ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія (гр. Толстого).

[2]) Д. Г. Барановъ былъ потомъ чиновникомъ особыхъ порученій по грекоуніатскимъ дѣламъ при варшавскомъ генералъ-губернаторѣ, а позже начальникомъ Сѣдлецкой учебной дирекціи.

разныя повинности, и гарантировать такимъ образомъ крестьянъ отъ произвольнаго уменьшенія помѣщиками этого надѣла и увеличенія повинностей. По освобожденіи крестьянъ въ 1864 году, эти табели являлись документами, опредѣлявшими размѣръ крестьянскихъ надѣловъ, которые должны были перейти съ тѣхъ поръ въ полную собственность крестьянъ, для чего заносились въ новыя, такъ называемыя ликвидаціонныя табели. Поэтому помѣщики всячески ухищрялись, чтобы крестьянскіе надѣлы заносились въ ликвидаціонныя табели въ размѣрѣ меньшемъ, чѣмъ это слѣдовало по закону. Но Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ и Д. Г. Барановъ строго охраняли законные интересы крестьянъ и не поддавались никакимъ подвохамъ и соблазнамъ со стороны помѣщиковъ. Помню, напримѣръ, такой случай. Д. Г. Барановъ былъ большимъ любителемъ лошадей. Ему очень понравилась одна лошадь, принадлежавшая помѣщику, и онъ выразилъ желаніе купить ее. Помѣщикъ охотно согласился ее продать и запросилъ цѣну необыкновенно низкую. Д. Г. Барановъ понялъ, что ему хотятъ дать взятку подъ благовиднымъ предлогомъ, и совершенно отказался отъ покупки приглянувшейся ему лошади. Вообще какъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, такъ и Д. Г. Барановъ были людьми, очень доступными для крестьянъ, и интересовались ихъ бытомъ. Узнавъ меня поближе, видя во мнѣ человѣка вполнѣ русскаго, при томъ же вышедшаго изъ крестьянъ, отлично знающаго ихъ бытъ и преданнаго ихъ интересамъ, они скоро отличили меня среди другихъ писарей и старались посредствомъ меня знакомиться съ такими сторонами матеріальнаго быта крестьянъ, которыя могли быть знакомы только человѣку, близко къ нимъ стоявшему. Я былъ съ ними вполнѣ откровененъ, не скрывалъ отъ нихъ ничего, указывалъ имъ на скрытые подвохи уѣздныхъ чиновниковъ, дѣйствовавшихъ въ ущербъ крестьянамъ заодно съ помѣщиками, и тѣмъ значительно облегчалъ имъ ихъ миссію. Зато и они поддерживали меня и спасали отъ преслѣдованій тѣхъ же чиновниковъ, подобныхъ вышеупомянутому С. Кромѣ того, зная, что я не беру взятокъ, и видя мое трудное матеріальное положеніе (жалованья, по должности писаря, я получалъ 180 рублей при готовой квартирѣ съ кускомъ поля и огорода), они всячески старались прійти мнѣ на помощь. Такъ, напримѣръ, по ходатайству Ѳ. Ѳ. Кокошкина, двѣ мои дочери были опредѣлены на казенный счетъ въ Холмское женское Маріинское училище, гдѣ и окончили курсъ. Въ моемъ положеніи это было настоящимъ для меня благодѣяніемъ. При содѣйствіи же Д. Г. Баранова, мнѣ удалось пріобрѣсти почти безъ денегъ небольшой кусокъ земли, обезпечивающій мнѣ скромное существованіе на старости лѣтъ. Это произошло такъ. Въ 1871 году въ царствѣ Польскомъ распродавались, на основаніи высочайше утвержденныхъ правилъ отъ 1-го іюля того же года, лицамъ русскаго происхожде-

нія такъ называемыя «поприходскія» или «подуховныя» земли (т.-е. оставшіяся свободными послѣ нѣкоторыхъ упраздненныхъ приходовъ и монастырей). Продавались онѣ на крайне льготныхъ условіяхъ съ разсрочкой платы на 30 лѣтъ при единовременномъ взносѣ небольшой суммы. Конечно, охотниковъ пріобрѣсти такія земли было много, и человѣку маленькому и не обладавшему протекціей онѣ были почти недоступны. Но тутъ-то мнѣ и помогъ Д. Г. Барановъ, благодаря вліянію и связямъ котораго одинъ небольшой участокъ такой земли въ Люблинскомъ уѣздѣ сверхъ ожиданія достался мнѣ, при чемъ мнѣ пришлось только уплатить впередъ небольшую сумму денегъ, которую мнѣ удалось занять въ долгъ. Но, такъ какъ я былъ не въ состояніи вносить въ казну ежегодно слѣдуемую въ уплату за землю сумму и подати, то землю эту я отдалъ въ аренду мѣстному колонисту-нѣмцу, который за пользованіе землею въ теченіе 30 лѣтъ долженъ былъ уплачивать только слѣдуемыя въ казну деньги, мнѣ же не платилъ ничего. Въ настоящее же время земля эта уже выкуплена у казны, но попрежнему арендуется тѣмъ же колонистомъ, который выстроилъ на ней разныя хозяйственныя строенія и уплачиваетъ мнѣ арендную плату, являющуюся существеннымъ подспорьемъ для меня на старости лѣтъ. А иначе мнѣ пришлось бы влачить теперь жалкое и необезпеченное существованіе, такъ какъ для сельскихъ должностей никакихъ пенсій или эмеритуры не установлено. Этимъ обстоятельствомъ и крайне скуднымъ окладомъ и объясняется отчасти то печальное явленіе, что громадное большинство гминныхъ писарей не отличается честностью, служитъ вообще недолго, а нерѣдко попадаетъ и подъ судъ. Впрочемъ, я слышалъ, что въ имперіи, во многихъ волостяхъ писаря получаютъ теперь оклады довольно приличные, доходящіе до 600 рублей. Въ гминахъ же окладъ писаря, къ сожалѣнію, остается прежнимъ—180 рублей въ годъ, что̀, при постоянно увеличивающейся даже въ деревняхъ дороговизнѣ, является положительно какой-то несообразностью.

Но я отвлекся нѣсколько въ сторону. Относительно дѣятельности Ѳ. Ѳ. Кокошкина и Д. Г. Баранова могу смѣло сказать, что ея никогда не забудутъ крестьяне Холмскаго уѣзда, видѣвшіе въ нихъ прямыхъ своихъ защитниковъ и блюстителей своего благополучія. Къ сожалѣнію, слѣдовавшіе послѣ нихъ комиссары по крестьянскимъ дѣламъ уже не отличались столь высокими нравственными и служебными качествами, а нѣкоторые изъ нихъ даже прямо мирволили помѣщикамъ. Но все же въ концѣ своей сельской службы я еще имѣлъ счастье служить нѣсколько лѣтъ при комиссарѣ Ѳ. Ѳ. С.[1]), также строго и свято исполнявшемъ свой

[1]) Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ крестьянскаго банка въ Люблинѣ, нынѣ же, кажется, состоитъ директоромъ одного изъ частныхъ банковъ.

долгъ, также заботливо относившемся къ интересамъ крестьянъ и съ такой же благодарностью ими вспоминаемомъ, какъ и Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ и Д. Г. Барановъ. О немъ и его дѣятельности я скажу еще нѣсколько словъ ниже.

VIII.

Переводъ мой въ гмину Свирже, гдѣ прошла бо́льшая половина моей службы.—Причины перевода.—Враждебныя взаимныя отношенія поляковъ-католиковъ и малороссовъ-уніатовъ.—Старанія мои защитить послѣднихъ.—Привлеченіе мною всѣхъ жителей гмины къ участію въ содержаніи училищъ.

Въ 1874 году я перешелъ на службу въ гмину Свирже, гдѣ мнѣ довелось прослужить чуть не четверть вѣка—до оставленія сельской службы въ 1898 году. Причины моего перевода были слѣдующія. Населеніе этой гмины состояло на половину изъ малороссовъ, греко-уніатовъ, на половину изъ католиковъ. Послѣдніе презирали первыхъ, называли ихъ «русинами», «схизматиками», смѣялись надъ ними и при всякомъ удобномъ случаѣ старались выставлять передъ ними преимущества римско-католической религіи и завлекать къ переходу въ католичество. Въ особенности въ этомъ отношеніи яро дѣйствовали разные мѣщане и «полпанки» изъ поляковъ. Не менѣе энергично, хотя бо́льшею частью осторожно и втихомолку, вели пропаганду и ксендзы. Религіозная вражда, связанная съ національною, въ то время особенно обострилась потому, что для многихъ уже не было тайной, что подготовляется актъ возсоединенія греко-уніатовъ съ православными, который и состоялся въ слѣдующемъ 1875 году. Въ посадѣ Свиржѣ (гдѣ было и гминное управленіе) вражда уніатовъ и католиковъ замѣтна была особенно сильно. Это происходило отчасти отъ того, что въ посадѣ находились и были расположены рядомъ греко-уніатская церковь и католическій костелъ. Католики старались обставлять свое богослуженіе какъ можно торжественнѣе, и громкіе звуки ихъ органа и пѣнія, подхватываемаго всѣмъ народомъ, въ особенности во время процессій вокругъ костела, часто заглушали тихое богослуженіе въ уніатской церкви. На этой почвѣ происходили недоразумѣнія и возникали неудовольствія и волненія, которыя наконецъ окончились тѣмъ, что костелъ былъ перенесенъ въ другое мѣсто—въ деревню Жалинъ.

Всѣ эти обстоятельства подавали поводъ ко всевозможнымъ ссорамъ и недоразумѣніямъ между крестьянами, раздуваемымъ коноводами польской партіи—разными полуграмотными личностями изъ мѣщанъ и ремесленниковъ, мнившими себя людьми просвѣщенными. Поэтому, зная расположеніе ко мнѣ крестьянъ безъ различія вѣры и племени и ихъ довѣріе ко мнѣ, уѣздное начальство, для умиротворенія свиржовскихъ крестьянъ, предложило мнѣ

переводъ въ Свирже. Подумавъ немного и принявъ во вниманіе, что въ посадѣ Свиржѣ есть двухклассное училище, гдѣ могутъ получить начальное обученіе мои меньшія дѣти, я согласился и переѣхалъ въ посадъ Свирже, въ которомъ и прожилъ 24 года.

Прибывши туда, я сталъ по прежнему своему обычаю сближаться съ населеніемъ, въ особенности съ малороссами, грекоуніатами, съ которыми говорилъ на ихъ родномъ языкѣ, тогда какъ прежніе писаря-поляки не говорили съ ними иначе, какъ по-польски. Эти писаря заодно съ остальными поляками-помѣщиками и мѣщанами дѣйствовали всегда въ ущербъ греко-уніатовъ и вообще относились къ нимъ несправедливо. Я тотчасъ же принялъ сторону малороссовъ, греко-уніатовъ, и старался законнымъ образомъ оградить ихъ отъ причиняемыхъ имъ обидъ и несправедливостей. Узнавъ, напримѣръ, что кузнецъ Д., одинъ изъ ярыхъ предводителей польской партіи, незаконно пріобрѣлъ у крестьянина Т. его крестьянскую усадьбу, утвержденную за Т. по ликвидаціонной табели, я принудилъ Д. возвратить усадьбу Т., послѣ чего Д. лишился права голоса на сходахъ. Одинъ крестьянинъ, греко-уніатъ, жаловался мнѣ, что помѣщикъ Т. побилъ его за отказъ работать въ день праздника св. Николая (9 мая). На основаніи распоряженія варшавскаго генералъ-губернатора отъ 1874 г., которымъ воспрещалось помѣщикамъ принуждать служащихъ у нихъ греко-уніатовъ работать въ праздники восточной церкви, я вызвалъ помѣщика Т. въ гминный судъ, но онъ не явился, несмотря на то, что ему были посланы еще двѣ повѣстки. Наконецъ, оказалось, что въ помѣщикѣ Т. принялъ участіе начальникъ земской стражи Т., который даже прислалъ бумагу на имя войта гмины съ разъясненіемъ, что помѣщикъ поступилъ правильно. Тогда я довелъ это дѣло до свѣдѣнія губернатора, который вызвалъ начальника стражи для объясненій. Полагаю, что Т. получилъ изрядный нагоняй отъ губернатора, такъ какъ съ того времени онъ сильно ко мнѣ придирался.

Послѣ состоявшагося въ 1875 г. акта возсоединенія съ православіемъ, многіе греко-уніаты, наущаемые большею частью католиками, фактически не возсоединились (на офиціальномъ языкѣ они назывались и называются «упорствующими»). Одинъ изъ такихъ крестьянъ Т. пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ не возсоединяется только потому, что его пугаютъ католики, но если я публично при всѣхъ стану его за это укорять, то онъ немедленно станетъ ходить въ церковь. И дѣйствительно, когда я ему сдѣлалъ внушеніе въ присутствіи другихъ, то онъ исполнилъ свое обѣщаніе. Очевидно, что фактическому возсоединенію многихъ уніатовъ препятствовали не собственныя ихъ убѣжденія, а только насмѣшки и угрозы католиковъ.

Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для утвержденія въ сельской средѣ русскаго дѣла я считалъ и считаю увели-

ченіе числа народныхъ училищъ и усиленіе ихъ средствъ. Въ тминѣ Свиржѣ было съ 1867 года четыре сельскихъ училища (одно изъ нихъ въ посадѣ Свиржѣ—двуклассное). Содержаніе этихъ училищъ на половину шло отъ казны, а другая половина собиралась съ крестьянъ той деревни, въ которой было училище. Отпускаемыя на училища средства были очень скудны, и ихъ еле хватало на самыя существенныя потребности. Польское населеніе, конечно, не сочувствовало распространенію русской грамотности и неохотно посылало своихъ дѣтей въ школы; помѣщики же, а также евреи и нѣмцы, жившіе на помѣщичьихъ земляхъ, вовсе не участвовали въ содержаніи училищъ. Въ декабрѣ 1875 года я убѣдилъ крестьянъ на гминномъ сходѣ составить приговоръ о переименованіи имѣющихся 4-хъ сельскихъ училищъ въ гминныя, съ увеличеніемъ средствъ этихъ училищъ на 560 р. и съ привлеченіемъ къ складкѣ на эти училища всѣхъ жителей, имѣющихъ недвижимость въ чертѣ гмины, не исключая и помѣщиковъ. Это, конечно, вызвало сильное неудовольствіе послѣднихъ, которые, по совѣту своихъ благопріятелей, уѣздныхъ чиновниковъ, обжаловали этотъ приговоръ и добились того, что таковой въ 1876 году былъ отмѣненъ. Тѣмъ не менѣе я не считалъ этого дѣла проиграннымъ и въ 1877 году опять составилъ съ согласія крестьянъ такого же рода приговоръ по новой формѣ, который и былъ утвержденъ высшими инстанціями и дѣйствуетъ и до сего времени.

IX.

Нѣкоторые инциденты между крестьянами и помѣщиками и недобросовѣстность послѣднихъ, поддерживаемыхъ уѣздными чиновниками.—Помѣщикъ К. и его подвиги.—Поддержка его комиссаромъ Г.—Плачевный конецъ карьеры послѣдняго.

Познакомившись поближе съ мѣстнымъ населеніемъ, я нашелъ, что въ деревняхъ и мѣстечкахъ, кромѣ нѣсколькихъ «полпанковъ» и ремесленниковъ, ослѣпляемыхъ религіознымъ фанатизмомъ, въ сущности вовсе нѣтъ личностей неблагонадежныхъ, да и волненія, происходившія на почвѣ религіозной, были незначительны. Серьезнѣе были другія волненія, происходившія по причинамъ экономическимъ. Но въ подобныхъ исторіяхъ всегда почти оказывались виновными мѣстные помѣщики, стремившіеся поживиться насчетъ крестьянскаго добра незаконнымъ способомъ, въ чемъ ихъ поддерживали, какъ и во всемъ вообще, уѣздные чиновники. Приведу наиболѣе выдающіеся примѣры подобнаго рода недоразумѣній и столкновеній.

У разорившагося помѣщика имѣнія Руда, Тржицинскаго, пріобрѣлъ послѣднее еврей Шлема Бухвицъ. Этотъ еврей построилъ въ имѣніи на рѣчкѣ Угеркѣ водяную мельницу, но, чтобы она дѣй-

ствовала, оказалось необходимымъ построить ее выше аршина на $1^1/_2$. Онъ такъ и сдѣлалъ, при чемъ, конечно, поднялъ воду въ рѣчкѣ, и вода, выйдя изъ береговъ, затопила смежные крестьянскіе луга и огороды. Вслѣдствіе этого крестьяне понесли большіе убытки и подали на это жалобу комиссару по крестьянскимъ дѣламъ Г. Комиссаръ этотъ, по своему направленію, ничѣмъ не отличался отъ уѣздной чиновной братіи и сразу принялъ сторону еврея. Вмѣсто того, чтобы удовлетворить законную жалобу крестьянъ, онъ послалъ землемѣра для устройства граничныхъ знаковъ по краямъ разлившейся воды, чѣмъ крестьянская земля, затопленная водою, присоединялась къ району владѣній еврея Б. Крестьяне возмутились и не допустили устройства граничныхъ холмиковъ («концовъ»). Тогда черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ самъ комиссаръ Г. съ начальникомъ земской стражи, землемѣромъ и нѣсколькими стражниками, но крестьяне снова воспрепятствовали постановкѣ граничныхъ знаковъ. Комиссаръ донесъ губернатору о сопротивленіи крестьянъ, прося дать помощь для приведенія въ исполненіе своего постановленія. Снова пріѣхали тѣ же лица съ земскими стражниками, но опять ничего не вышло. Чтобы напугать крестьянъ, комиссаръ 15 человѣкъ изъ нихъ оштрафовалъ по 3 рубля, но и это не подѣйствовало. Наконецъ начальникъ уѣзда, которому я выяснилъ все, видя серьезность этого дѣла, послалъ для разслѣдованія причины упорства крестьянъ своего помощника Шантгая и уѣзднаго архитектора Ц. Послѣдній сразу принялъ сторону богатаго еврея, но Шантгай оказался честнымъ человѣкомъ и вывелъ все дѣло на чистоту. Воду понизили, и Шантгаемъ былъ поставленъ при мельницѣ знакъ съ указаніемъ уровня воды, выше котораго она не должна подниматься. Крестьянская земля освободилась отъ воды, и крестьяне успокоились.

Помѣщикъ одного имѣнія К. (въ настоящее время продавшій имѣніе и неизвѣстно гдѣ обрѣтающійся), человѣкъ въ высшей степени безнравственный и безсовѣстный, будучи обремененъ долгами, задумалъ поправить свои обстоятельства способомъ, совершенно на первый взглядъ невѣроятнымъ по его беззаконности и тѣмъ не менѣе почти ему удавшимся, благодаря усердной поддержкѣ чиновниковъ. Деревню, находящуюся въ этомъ имѣніи, окружаютъ плодородныя крестьянскія земли, тогда какъ земля помѣщика, расположенная за крестьянской, до границы сосѣдняго имѣнія, на разстояніи около 2-хъ верстъ, наоборотъ — самаго плохого качества, и на ней произрастали только сорныя травы. К. задумалъ ни болѣе ни менѣе, какъ обмѣнять свою плохую землю на хорошую крестьянскую. Для этого онъ вошелъ въ сдѣлку съ комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ Г. (участвовавшимъ и въ исторіи съ мельницей), который составилъ протоколъ о желаніи помѣщика К., для улучшенія хозяйства крестьянъ своего имѣнія, вла-

дѣющихъ землей дурного качества, обмѣнять эту землю на свою хорошую. Протоколъ этотъ былъ подписанъ, кромѣ помѣщика К., комиссаромъ Г., землемѣромъ Г. и свидѣтелями — нѣсколькими нѣмцами-колонистами, подговоренными К., и помѣщикомъ сосѣдняго имѣнія Г. Всѣ эти лица своими подписями удостовѣрили негодность крестьянской земли и плодородіе помѣщичьей въ имѣніи К—го, т.-е. явную и безсовѣстную ложь. Протоколъ этотъ помѣщикъ К. убѣждалъ меня неоднократно подписать за себя и за гминнаго войта (неграмотнаго) и приложить печать. Прочитавъ протоколъ и видя въ немъ одну ложь, имѣвшую цѣлью разорить крестьянъ и обогатить помѣщика, я, конечно, категорически отказался его подписать. Тогда К. обратился къ комиссару съ просьбой оказать воздѣйствіе на меня, изъ-за котораго все дѣло не можетъ сладиться. Вскорѣ я и войтъ получили предписаніе явиться съ печатью въ уѣздное управленіе. Прибывъ туда, я доложилъ начальнику уѣзда о крайне незаконномъ составленіи протокола, который я поэтому и отказался подписать. Тутъ явился комиссаръ и сталъ жаловаться на меня начальнику уѣзда, говоря, что я почему-то отказался подписать бумагу, вполнѣ правильную, и войта уговорилъ не подписываться. Несмотря на мой подробный докладъ объ этомъ дѣлѣ, начальникъ уѣзда все же приказалъ мнѣ и войту подписать протоколъ и приложить печать, и я долженъ былъ повиноваться. Такимъ образомъ дѣло было обставлено съ формальной стороны какъ будто и правильно. Но крестьяне узнали обо всемъ и написали жалобу губернатору на неправильныя дѣйствія комиссара, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ. Не знаю, какой ходъ былъ данъ жалобѣ, но дѣло это, какъ видно, дошло до высшихъ инстанцій, потому что вскорѣ комиссаръ Г. уѣхалъ въ Петербургъ, а по возвращеніи оттуда оказался уволеннымъ отъ службы.

Подобнаго рода случаевъ я могъ бы привести еще нѣсколько, но это заняло бы слишкомъ много мѣста. Помѣщикъ К., фигурировавшій въ послѣднемъ дѣлѣ, надѣлалъ мнѣ вообще много хлопотъ и непріятностей. Комиссаръ Г., котораго онъ возстановилъ противъ меня, по счастью для меня, былъ уволенъ. Тогда К. вооружилъ противъ меня начальника земской стражи, П., назначеннаго потомъ начальникомъ уѣзда, который въ качествѣ моего прямого начальника могъ вредить мнѣ еще сильнѣе, и дѣйствительно достигъ наконецъ того, что въ 1898 году я, выведенный изъ терпѣнія его систематическими преслѣдованіями и утомленный такой трудной и непріятной службой, оставилъ ее. Не могу удержаться, чтобы не охарактеризовать подробнѣе помѣщика К., представлявшаго въ своемъ родѣ замѣчательный провинціальный типъ, и не разсказать нѣкоторыхъ исторій съ нимъ въ связи съ преслѣдованіемъ меня упомянутымъ П.

К. родился въ хорошей семьѣ, но воспитаніе получилъ почему-то скверное. Для него нанятъ былъ гувернеръ, который вмѣсто того, чтобы воспитывать К. въ добрыхъ началахъ, научилъ его развратничать и вмѣстѣ съ нимъ принималъ участіе въ похожденіяхъ съ сельскими прелестницами. По смерти родителей, К. наводнилъ свой домъ всевозможными субретками и устраивалъ съ ними цѣлыя оргіи. Между прочимъ, онъ вошелъ въ связь съ крестьянкой М. и имѣлъ отъ нея нѣсколько дѣтей. Затѣмъ онъ женился на нѣкоей Б., помѣщицѣ Владиміръ-Волынскаго уѣзда, но и при женѣ продолжалъ связь съ М. Видя это, жена ушла къ матери. К. нѣсколько разъ убѣждалъ ее возвратиться, и та наконецъ передала ему, что можетъ возвратиться только подъ условіемъ удаленія М. изъ предѣловъ губерніи. К. предложилъ М. (жительствовавшей въ сосѣдней деревнѣ) черезъ мѣсяцъ оставить деревню и выѣхать въ другую губернію, но та этого не исполнила; да и куда она могла выѣхать, не имѣя средствъ и будучи къ тому же беременною отъ того же К.? Тогда К., взявъ съ собою нѣсколькихъ дворовыхъ, отправился ночью къ дому М. и, вызвавъ ее въ лѣсъ, спросилъ, почему она до сего времени не уѣхала. Та отвѣтила, что чувствуетъ себя нездоровою. Взбѣшенный К. приказалъ своимъ людямъ растянуть ее и сѣчь. Началась жестокая экзекуція, которую прекратило только появленіе какого-то крестьянина, искавшаго своихъ коровъ въ лѣсу. М. подала на К. жалобу въ судъ за истязанія и представила свидѣтельство уѣзднаго врача, который далъ заключеніе, что не ручается за ея жизнь. Назначенъ былъ на слѣдствіе судебный слѣдователь-полякъ, вѣроятно, изъ хорошихъ знакомыхъ К. Онъ призналъ дѣло недоказаннымъ и отправилъ къ товарищу прокурора на окончаніе. Между тѣмъ больная М. разрѣшилась преждевременно отъ бремени мертвыми близнецами и умерла, о чемъ я и донесъ товарищу прокурора. Тогда былъ назначенъ для переразслѣдованія другой слѣдователь—русскій, и дѣло пошло иначе. Трупъ былъ вскрытъ, и слѣды истязаній были найдены, какъ наружные, такъ и внутренніе. Дѣло это разбиралось 9 сентября 1887 года въ Люблинскомъ окружномъ судѣ, который присудилъ К. на пять лѣтъ въ каторгу. К. обжаловалъ этотъ приговоръ въ Варшавской судебной палатѣ, которая сократила ему наказаніе до 7-ми мѣсяцевъ тюрьмы. Когда К. отбылъ свое наказаніе, то оказался кругомъ въ долгахъ вслѣдствіе запущенныхъ дѣлъ и скоро совершенно разорился.

И вотъ такой-то субъектъ, можно сказать, убійца собственныхъ любовницы и дѣтей, былъ пріятелемъ почти всѣхъ уѣздныхъ чиновниковъ. Можно себѣ представить небрезгливость этихъ господъ... Особенно же онъ подружился съ начальникомъ земской стражи (впослѣдствіи начальникомъ уѣзда), вышеупомянутымъ П. Послѣдній часто пріѣзжалъ къ К. въ имѣніе, охотился тамъ и всячески

развлекался, а К., конечно, пользовался этимъ и постоянно жаловался на мою неподатливость и враждебное къ себѣ отношеніе. Между тѣмъ никакой личной вражды я къ нему не имѣлъ, а только не могъ согласиться поступать противъ совѣсти, какъ онъ этого требовалъ (что видно изъ приведенныхъ случаевъ). Одинъ разъ, напримѣръ, К. подалъ жалобу комиссару на потраву клевера, произведенную у него будто бы крестьянами на сумму 300 рублей. Комиссаръ поручилъ мнѣ провѣрить эту жалобу, и я на мѣстѣ убѣдился, что никакой потравы не было, да притомъ же К. очень часто подавалъ такія жалобы просто потому только, что надѣялся какимъ нибудь образомъ взыскать штрафъ съ крестьянъ и тѣмъ поправить свои разстроенныя обстоятельства. На этотъ разъ ему удалось заманить меня къ себѣ въ домъ. Заперши дверь на ключъ, онъ потребовалъ отъ меня написать и подписать протоколъ о потравѣ. Я увидѣлъ, что дѣло плохо, потому что К. въ такихъ случаяхъ при отказѣ не задумывался прибѣгать къ побоямъ, вооружаясь кастетомъ, а иногда и стрѣлялъ изъ револьвера [1]). Тогда я притворился покорнымъ и готовымъ исполнить его желаніе, но сказалъ, что составленіе протокола займетъ около часа, между тѣмъ лошади мои еще не накормлены, да и портфель съ бумагами въ бричкѣ, почему мнѣ необходимо купить овса для лошадей и отправить ихъ на постоялый дворъ, а бумаги взять съ собой. Къ счастью моему, К. повѣрилъ моимъ словамъ и отпустилъ меня, а я сѣлъ въ бричку и поскорѣе уѣхалъ. К. спохватился, кричалъ мнѣ въ догонку возвратиться, но я, конечно, его не послушалъ.

X.

Преслѣдованіе меня начальникомъ земской стражи П., увеличившееся послѣ назначенія его начальникомъ уѣзда.—Переходъ мой на другую службу.—Комиссаръ Ѳ. Ѳ. С. и добрая память, имъ оставленная въ Холмскомъ уѣздѣ.

Натравливаемый на меня помѣщикомъ К., начальникъ земской стражи П. сталъ всячески ко мнѣ придираться и преслѣдовать. По порученію начальника уѣзда, онъ довольно часто производилъ у меня ревизію дѣлъ и всякую мелкую оплошность раздувалъ въ большую. Между тѣмъ нужно сказать, что мнѣ приходилось издерживать значительную часть своего жалованья на сына, который обучался въ то время въ Холмѣ въ техническомъ училищѣ, а потому я часто не въ состояніи былъ нанимать себѣ помощника, самому же справляться со всѣми дѣлами (гминный войтъ былъ неграмотный) было очень трудно — приходилось нерѣдко работать по ночамъ. При та-

[1]) Одинъ разъ въ подобномъ случаѣ К. выстрѣлилъ изъ револьвера въ моего помощника и ранилъ его въ голову.

кихъ условіяхъ трудно было быть всегда исправнымъ въ работѣ, и вотъ къ этимъ второстепеннымъ неисправностямъ и придирался П. Когда же его назначили начальникомъ уѣзда, то онъ сталъ уже собственною властью шрафовать меня не менѣе 5 рублей за всякій пустякъ. Въ концѣ концовъ онъ захотѣлъ лишить меня и квартиры въ гминномъ управленіи, а также поля и огорода при ней по слѣдующему поводу. Крестьяне стали меня уговаривать принять должность войта и при выборахъ (происходившихъ каждое трехлѣтіе) выбрали меня войтомъ единогласно. Я согласился принять эту должность, разсчитывая на то, что, исполняя обязанности войта и писаря вмѣстѣ, буду получать двойное жалованье. Такъ оно и было нѣкоторое время, но П. нашелъ такой порядокъ неправильнымъ и добился того, что ко мнѣ назначили особаго писаря, а такъ какъ общественная квартира назначалась собственно для писаря, то послѣдній и сталъ выживать меня изъ квартиры, хотя послѣдняя была ему не нужна, такъ какъ онъ былъ холостой и имѣлъ особую комнату въ гминномъ управленіи. Но ему нужно было только выжить меня изъ гмины, къ чему поощрялъ его и П. Наконецъ они достигли своей цѣли, такъ какъ я, утомленный этой непосильной борьбой, воспользовался первой возможностью получить другое мѣсто и оставилъ свою неблагодарную службу въ февралѣ 1898 года, прослуживъ такимъ образомъ въ сельскихъ должностяхъ почти 40 лѣтъ. Но моимъ недругамъ недолго пришлось радоваться своей побѣдѣ. П. вскорѣ скоропостижно скончался, а посаженный имъ на мое мѣсто писарь спился съ кругу, былъ уволенъ и теперь, говорятъ, нищенствуетъ. Богъ съ ними, — я не желалъ имъ зла. Свиржовскіе же крестьяне и до сего времени упрашиваютъ меня возвратиться къ нимъ на службу въ качествѣ войта или писаря, но нѣтъ: не тѣ уже мои лѣта, нѣтъ прежней энергіи и терпѣнія для перенесенія всяческихъ невзгодъ, причиняемыхъ людской злобой и нечестностью.

Послѣ комиссара по крестьянскимъ дѣламъ Г., такъ плачевно окончившаго свою карьеру, былъ назначенъ на это мѣсто изъ Петербурга Ѳ. Ѳ. С. [1]). Этотъ честный русскій дѣятель оставилъ по себѣ въ Холмскомъ уѣздѣ такую же добрую память, какъ вышеупомянутые комиссары Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ и Д. Г. Барановъ. Ѳ. Ѳ. С. такъ же, какъ и они, строго блюлъ интересы крестьянъ, защищая ихъ отъ незаконныхъ посягательствъ польскихъ помѣщиковъ, и такъ же, какъ они, былъ привѣтливъ и доступенъ въ отношеніяхъ съ меньшей братьей. Ко мнѣ онъ тоже относился прекрасно и старался по возможности отстаивать отъ нападокъ и придирокъ П. и ему подобныхъ. Память о Ѳ. Ѳ. Кокошкинѣ, Д. Г. Барановѣ и слу-

[1]) Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ крестьянскаго банка въ Люблинѣ.

жебной дѣятельности Ѳ. Ѳ. С. (нынѣ еще здравствующаго) никогда не изгладится изъ моего сердца; не забудутъ ихъ никогда и благодарные крестьяне Холмскаго уѣзда, достояніе которыхъ не разъ отстаивали эти высокочестные люди отъ хищныхъ вожделѣній.

XI.

Евреи и ихъ эксплуататорская роль въ селахъ Привислинскаго края.—Нѣсколько словъ о мѣстномъ духовенствѣ.

А сколько этихъ вожделѣній направлено противъ крестьянина! Кромѣ тѣхъ недруговъ, которые ведутъ съ нимъ прямую борьбу, соединившись съ продажными чиновниками, есть въ деревняхъ и мѣстечкахъ Юго-Западнаго края еще одинъ врагъ крестьянина, эксплуатирующій его подъ видомъ пріятеля, подающаго ему въ нуждѣ руку помощи. Я говорю о евреяхъ. Въ Привислинскомъ краѣ имъ воспрещалось и воспрещается селиться на крестьянскихъ земляхъ, но они могутъ селиться на помѣщичьихъ. Ремесленниковъ среди нихъ очень мало, и снискиваютъ они себѣ пропитаніе исключительно мелкой торговлей и ростовщичествомъ. Проценты они берутъ съ крестьянина безбожные, но послѣдній платитъ ихъ охотно, потому что еврей никогда не прочь отсрочить уплату долга и взять процентъ натурой, т.-е. зерномъ, продуктами и т. п. Ростовщичество евреевъ особенно сильно процвѣтало до введенія казенной продажи вина, въ то блаженное для нихъ время, когда они брали въ аренду у мѣстныхъ помѣщиковъ корчмы съ правомъ продажи въ нихъ питей (это право принадлежало помѣщикамъ и называлось «пропинаціоннымъ», а помѣщики переуступали его евреямъ за извѣстную плату). Корчма, къ счастью, уничтоженная казенной монополіей въ 1898 году, представляла для мѣстнаго крестьянина страшное зло. Еврей, продавая ему отвратительную водку, съ разными подмѣсями, одурманивающими голову, дралъ съ крестьянина послѣднюю шкуру. За шкаликъ противной «оковиты» (такъ называлась въ царствѣ Польскомъ крѣпкая водка, приготовляемая на мѣстныхъ винокуренныхъ заводахъ и отличавшаяся обильнымъ содержаніемъ сивушнаго масла) крестьянинъ несъ жиду свои продукты и пожитки, постепенно влѣзалъ въ долги и наконецъ совершенно закабаливался. Если заманиваемый жидомъ крестьянинъ входилъ въ его шинокъ съ деньгами, вырученными послѣ продажи какой нибудь домашней скотины, то выходилъ онъ оттуда ни съ чѣмъ, потому что одурманивающая сивуха отнимала у него всякую волю и соображеніе и предавала въ руки жида. А сколько преступленій совершено было подъ вліяніемъ паровъ той же сивухи, отличающейся свойствомъ сразу одурманивать человѣка и пробуждать въ немъ звѣрскіе инстинкты. Введеніе монопольной продажи

водки казною вырвало многихъ крестьянъ изъ когтей евреевъ-шинкарей, не говоря уже о томъ, что и самое качество казенной водки гораздо выше оковиты и въ умѣренномъ количествѣ не отзывается вредно на здоровьѣ.

Я хотѣлъ бы еще сказать нѣсколько словъ о мѣстномъ православномъ духовенствѣ, о его религіозномъ и просвѣтительномъ вліяніи на народъ. Къ сожалѣнію, я не могъ замѣтить сколько нибудь видныхъ слѣдовъ этого вліянія. Происходитъ ли это потому, что слова мѣстныхъ пастырей духовныхъ падаютъ на почву каменистую, или потому, что эти слова далеко не всегда сопровождаются примѣромъ, не знаю... О мѣстныхъ католическихъ ксендзахъ этого нельзя сказать. Они несомнѣнно имѣютъ вліяніе, хотя часто и нежелательное, въ смыслѣ развитія, напримѣръ, религіозной нетерпимости; но они же добиваются иногда и того, что цѣлыя деревни даютъ обѣщаніе не пить водки и свято его исполняютъ.

Л. Н. Савлукъ.